БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Вып. IV

ГРОЗА

Цѣна выпуска 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „УЛЕЙ", Кирпичный пер. 3.
1910.

„Братская Жизнь"

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ШЕСТИ ВЫПУСКАХЪ.

Задачею своей сборникъ «Братская жизнь» ставитъ— содѣйствіе преображенію жизни на началахъ вѣры, любви, братскаго единенія, свѣта знаній и мирнаго строительства добра.

Въ сборникѣ будутъ помѣщаться статьи, очерки и другія произведенія: *А. П. Аксакова, Ф. П. Аксакова, А. Н. Баратынскаго, Е. Н. Баратынской, С. Н. Булгакова, А. Ю. Ваганова, П. П. Квашниной-Самариной, Н. Д. Кузнецова, Св. А. Кулясова, Т. П. Мятлевой, М. А. Новоселова, І. В. Никанорова, А. А. Папкова, Ф. Д. Самарина, Н. М. Соловьева, К. И. Ровинскаго, А. А. Тихомирова* и др.

Подписная цѣна за всѣ шесть выпусковъ съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к., послѣдній выпускъ выйдетъ не позже 1 августа сего года.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Максимиліановскій переулокъ, 19, кв. 17, у редактора-издателя сборника «Братская жизнь» *Александра Петровича Аксакова.*

Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ 25 коп., съ пересылкой 30 коп.

Содержанiе:

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ IV. ГРОЗА.

Благая часть.

Блаженъ, иже въ
Бога богатѣетъ...
(*Св. Евангеліе*).

I.

Вы были добры,—приступите.
Вы правду дѣлали Мою,—
И такъ, сыны Мои, войдите
Въ Отца Небеснаго семью...
Вы духомъ Истины пылали
И не коснѣя къ свѣту шли,—
Вы сердце милостью питали
И разумъ вѣрой облекли,—
Вы кроткой силой Божья Слова
Вражду старались примирять...
Войдите. Трапеза готова;—
Я сяду съ вами вечерять...

II.

И вы, что въ горькомъ ослѣпленьи
Влачили бремя вражьихъ узъ,—
И вами снискано прозрѣнье,
И вамъ открытъ любви союзъ.
И вы сломили зла преграды,
Хоть и въ послѣдній грозный часъ,—
Войдите съ миромъ,—здѣсь вамъ рады,—
Здѣсь такъ печалились о васъ.
И вы достойны. Вѣдь не здравымъ,—
Недужнымъ пользу врачъ творитъ...

Все прощено: никто лукавымъ
Извѣтомъ васъ не укоритъ.

III.

Смотрите. Мой чертогъ огнями
Блистаетъ, празднично убранъ;
А тамъ, снаружи, за дверями—
Ненастный мракъ и злой туманъ;
Тамъ въ полутьмѣ и мглѣ безбрежной
Еще бушуетъ вихорь волнъ;
Но горней пристани надежной
Уже достигъ убогій членъ;
О, хорошо тому, кто вскорѣ,
Послыша зовъ, пришелъ ко мнѣ...
Увы стократъ, увы и горе
Безумно—медлящимъ извнѣ....

Федоръ Аксаковъ

Злая часть.

**Се, оставляется домъ
вашъ пустъ...**
(*Св. Евангеліе*).

I.

Ненастье... Вьюга завываетъ...
Густѣетъ сумракъ... Ночь близка...
Гудитъ въ ушахъ... Глаза слипаетъ...
О, какъ судьба твоя горька!
Стяжанье-ль алчному помога?
Тщетѣ-ль поднять упавшій духъ?—
Нѣтъ. Безъ надежды и безъ Бога,
Ты ищешь бездны, слѣпъ и глухъ...
Разстаться-ль съ тлѣнными благами?
Драгую-ль ношу съ плечъ стряхнуть?—
Увы. Трясина подъ ногами...
Увы. Нѣтъ мочи... Конченъ путь....

II.

Безплодны вопли и моленья;
Безуменъ ропотъ воли злой:
Ты самъ отвергъ удѣлъ спасенья,
Ты презрѣлъ Вышней похвалой.

Чему служилъ ты въ лонѣ міра,
Кого владыкою избралъ, —
Не отъ бездушнаго-ль кумира
Грѣховной платы ожидалъ?
Но господинъ твой, царь жестокій,
Для вѣрныхъ слугъ своихъ — палачъ.
Чу! въ преисподней, въ тьмѣ глубокой
Зубовный скрежетъ, вой и плачъ...

III.

Долготерпѣнье-ль истощилось?
Всемилосердью-ль есть предѣлъ?
Нѣтъ. Невозвратное свершилось, —
Порокъ въ упорствѣ закоснѣлъ.
Въ союзъ-ли душъ, отвергшихъ злобу,
Въ семью-ль Всекротнаго Отца
Внѣдрится тать, подобный гробу,
Злоумышлявшій до конца?
Тебѣ-ль, коварный и нещадный,
Любви откроется чертогъ? —
Нѣтъ. Гаснетъ, гаснетъ факелъ чадный...
О, страшный мигъ... О, лютый рокъ...

Федоръ Аксаковъ

Внемлите духу!

(Ап. Павелъ).

Се стою у двери,
и стучу...
(*Апок. Гл. III, ст. 20).*

I.

Зачѣмъ поносишь и злословишь,
Не сытъ своимъ, чужое рвешь?
Заблудшій! Что себѣ готовишь?
Куда неправду понесешь?

II.

Не въ дольнихъ будетъ тварь судима;
Не уповай на персти судъ!
Земная правда погрѣшима; —
Не то добро, что люди чтутъ.

III.

Хотя-бъ и вся дѣлъ нашихъ повѣсть
Была права въ очахъ людей, —
Но, чу! Зоветъ и ропщетъ совѣсть...
Не умолчимъ, — отвѣтимъ ей!

IV

Давно, дремотствуя, таятся
Святыни горней силы въ насъ...
Пробудимъ ихъ, да вострезвятся!
Внимай добру! То — Божій гласъ.

V.

И если въ духъ твой ненарокомъ,
Гдѣ хладъ и тьма, и смерти сонъ,
Блеснетъ зарница яркимъ окомъ, —
Привѣтствуй Бога! Близокъ Онъ...

VI.

Окинь души своей преграды,
Спѣши Всекротнаго принять!
И онъ войдетъ, и полнъ услады,
Съ тобою сядетъ вечерять.

VII.

Онъ — хлѣбъ живой! Въ Его десницѣ —
Любовь и миръ, — тепло и свѣтъ;
Его щедротамъ нѣтъ границы;
Его терпѣнью — мѣры нѣтъ.

VIII.

Онъ видитъ все, всѣ язвы знаетъ;
Онъ не осудитъ, Онъ проститъ;
Онъ никого не отметаетъ:
Былинку грѣетъ, дубъ роститъ...

IX.

Ему-ль отъ скорбныхъ отступиться?
Онъ жаждетъ худшаго спасти,
И въ душу мрачную стучится,
И слезно молитъ: допусти!

X.

Ты — гонишь!... Онъ — словамъ презрѣнья
Онъ злому воплю твоему
Даритъ отраду всепрощенья...
Открой-же дверь, открой Ему!

Федоръ Аксаковъ.

Подъемъ честности.

Часть 1-я.

Во всѣхъ областяхъ окружающей насъ жизни ощущается жгучая потребность въ оздоровленіи и обновленіи; сознается необходимость спѣшной созидающей работы, могучаго добросовѣстнаго строительства.

Куда-бы мы ни бросили взоръ нашъ, мы видимъ, что вездѣ нужна усиленная работа, усиленная дѣятельность русскихъ гражданъ.

Оборона государства требуетъ работы по возрожденію арміи и снабженію ея новымъ оружіемъ и запасами и по возможно быстрой постройкѣ новаго флота. Санитарная безопасность требуетъ планомѣрной борьбы съ заразными болѣзнями, оздоровленія городовъ и живой дѣятельности сознающаго свой долгъ медицинскаго персонала. Задача культурнаго, умственнаго подъема населенія вызываетъ необходимость пересмотра всей системы народнаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ и, главное, усиленной, беззавѣтной дѣятельности всей арміи учащихъ. Задача пробужденія жизни церковной вызываетъ необходимость усиленной работы клира, а равно и мірянъ, какъ членовъ Христовой церкви, и притомъ работы дружной, искренней и безкорыстной.

Наконецъ, улучшенія въ хозяйственной области, столь важной для благосостоянія какъ всей страны, такъ и каждаго обывателя, могутъ также быть достигнуты только усиленнымъ трудомъ, направленнымъ на использованіе громадныхъ природныхъ богатствъ нашей родины, на развитіе новыхъ производствъ, на подъемъ ремесленныхъ и кустарныхъ промысловъ и сельско-хозяйственнаго труда.

Вездѣ уже замѣтны признаки прилива энергіи, замѣтны попытки наладить работы по-новому. Вездѣ собираются необходимыя для строительства матеріалы, изыскиваются средства, заводятся порядки, открываются новые пути. Однимъ словомъ, имѣются всѣ признаки пробужденія жизни и возвращенія ея къ здоровому росту. А между тѣмъ, у всѣхъ, внимательно наблюдающихъ эту развивающуюся работу, не слагается увѣренности, что намѣченныя цѣли могутъ быть достигнуты,—большинство смотритъ на дѣло почти безнадежно.

Отчего это? Откуда этотъ всеобщій пессимизмъ? Да очень просто,—оттого, что всѣ мы отлично знаемъ объ одномъ постыдномъ недочетѣ, объ одной ужасной язвѣ нашей жизни, разъѣдающей и подтачивающей всѣ благія начинанія, какъ въ области государственнаго, общественнаго и частнаго хозяйства, такъ равно и въ области идейныхъ задачъ.

Мы знаемъ, что сколько-бы мы ни нагромождали матеріаловъ и орудій, сколько-бы мы ни оплачивали работниковъ, какъ-бы прекрасно ни было налажено дѣло, заложенное въ жизни, оно можетъ все-же оказаться недоконченнымъ и рухнуть прежде, чѣмъ будетъ доведено до конца, прежде, чѣмъ получитъ жизненное значеніе и станетъ полезнымъ факторомъ жизни.

Вѣдь многіе изъ насъ собственными глазами видѣли, какъ на постройку какого-либо прекраснаго по плану зданія возятъ въ изобиліи камень, кирпичъ, цементъ, желѣзныя балки и связи, какъ мѣсяцами работаютъ искусные каменщики, подъ наблюденіемъ ученаго архитектора, а затѣмъ все-же наступаетъ день, когда зданіе даетъ трещину и рушится. Видѣли и обширныя поля, вспаханныя и засѣянныя руками наемщиковъ, подъ наблюденіемъ опытнаго надсмотрщика, остающіяся долго черными и потомъ покрывающіяся только рѣдкими, чахлыми колосьями и потомъ приносящія одинъ убытокъ отсутствующему хозяину. Всего, что мы видѣли въ подобномъ родѣ, перечислить нѣтъ однако ни возможности, ни охоты.

Причина такихъ явленій не составляетъ ни для кого тайны. Какъ въ хозяйственной, такъ и въ идейной областяхъ причина неуспѣховъ одна: отсутствіе

честности у работниковъ и наблюдающихъ. Это есть важнѣйшая и постыднѣйшая язва нашей жизни.

Природныя богатства, несмотря на ихъ кажущуюся неистощимость; денежныя средства, накопляемыя съ неимовѣрнымъ трудомъ, какъ правительствомъ, такъ и обществомъ; планы и проекты, вырабатываемые одаренными гражданами страны, и благія начинанія правительства, поддержанныя нашими молодыми законодательными учрежденіями,—все это легко можетъ, что называется, „пойти прахомъ“ отъ рокового недочета нашей жизни, отъ недостатка въ честныхъ и добросовѣстныхъ работникахъ и дѣятеляхъ.

Дѣйствительно, людей, ясно сознающихъ свой долгъ передъ Богомъ, родиной, передъ закономъ, передъ наукой, передъ ближними, наконецъ, передъ самимъ собой, людей, неизмѣнно руководящихся въ своихъ отношеніяхъ искренностью чувства, въ своихъ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ не забывающихъ объ интересахъ ближнихъ, умѣющихъ безпристрастно ставить себя на ихъ мѣсто, смотрящихъ на жизнь не какъ на праздникъ и наслажденіе, а какъ на трудовое исполненіе велѣній нравственнаго долга,—крайне мало.

По пути правды, въ осуществленіе нравственнаго долга и справедливости, то-есть, по пути честности, идетъ меньшинство, большинство ищетъ только своекорыстныхъ выгодъ и свои темныя дѣянія прикрываетъ маскою лжи и лицемѣрія.

Внимательно вглядываясь въ различныя болѣе или менѣе значительныя явленія русской жизни и безпристрастно оцѣнивая причины неуспѣха многочисленныхъ благихъ мѣропріятій, общественныхъ и частныхъ начинаній, мы постоянно убѣждаемся, что причины неуспѣха, причины болѣзненнаго роста или полнаго ихъ крушенія коренятся не столько во внѣшнихъ условіяхъ и порядкахъ, сколько въ отсутствіи устоевъ, честности въ самихъ дѣятеляхъ—въ людяхъ.

Начиная съ сельскаго рабочаго, обрабатывающаго чужое поле, и мастерового, приготовляющаго издѣлія для рынка, и кончая мелкими и иногда даже крупными дѣятелями правящихъ классовъ, мы встрѣчаемся всюду съ слабымъ развитіемъ сознанія нравственнаго долга, съ крайне недобросовѣстной работой и съ пре-

обладаніемъ своекорыстнаго отношенія къ дѣлу.

Вездѣ и всюду полный недочетъ въ людяхъ, на честное исполненіе которыми своихъ обязанностей можно положиться. Неправда на нашихъ глазахъ нерѣдко торжествуетъ въ жизни, сила оказывается на ея сторонѣ, а честные люди чувствуютъ себя загнанными въ самые темные, безпросвѣтные углы. О засиліи нечестности, о взяткахъ и хищеніяхъ однако еще недавно какъ-то не принято было говорить. Отдѣльные, случайно выплывающіе факты или опровергались, какъ недоказанные, или-же признавались рѣдкими, незначительными, а общіе выводы считались прямо бредомъ больного воображенія нѣкоторыхъ теоретиковъ-идеалистовъ.

При такихъ отношеніяхъ къ тяжкой гангренѣ общественной и государственной жизни, при такомъ составѣ дѣятелей во многихъ областяхъ жизни, отвѣтить на перечисленныя выше требованія широкаго и живого строительства, конечно, было болѣе чѣмъ трудно,—почти невозможно. Но за послѣдніе мѣсяцы многое измѣнилось. Мы были свидѣтелями важныхъ мѣропріятій. Верховная власть, правильно освѣдомленная, неожиданно направила яркіе лучи сильнаго прожектора на нѣкоторые пункты хозяйственной дѣятельности интендантскихъ и желѣзнодорожныхъ вѣдомствъ, то-есть, на мѣста, гдѣ жажда наживы частныхъ предпринимателей особенно часто сталкивается съ дѣятельностью агентовъ правительства и желѣзнодорожныхъ обществъ.

И что-же? Бредъ непрактичныхъ теоретиковъ оказался ужасной дѣйствительностью, и цѣлые ряды безпечно наслаждавшихся жизнью нечестныхъ дѣятелей отдаются ревизующими сенаторами подъ судъ, и, конечно, понесутъ заслуженную кару. Правительство дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ широко и рѣшительно, отдавая на строгій и гласный судъ своихъ нечестныхъ агентовъ, оно высоко подымаетъ свой престижъ въ глазахъ всего русскаго народа. Беззаконія и преступленія его агентовъ, сколько-бы ихъ ни оказалось, не могутъ помрачить чистоты власти, не боящейся свѣта.

Сенаторскія ревизіи явились ударомъ молніи въ засоренной атмосферѣ русской жизни. Какъ разрядъ облачнаго электричества, какъ *гроза* въ сгущенномъ

воздухѣ, этотъ ударъ очистилъ, освѣжилъ атмосферу. Это символъ времени, это великое ободреніе всѣмъ честнымъ дѣятелямъ и угроза нечестнымъ. Символъ этотъ будетъ имѣть громадное значеніе, но все-же онъ не можетъ создать арміи глубоко честныхъ, готовыхъ на беззавѣтный трудъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ жизни, въ которыхъ такъ безконечно нуждается наша родина. Создать кадры честныхъ дѣятелей можетъ только само общество и мы сами усиленной работой по возрожденію идеаловъ чести и справедливости.

Для пресѣченія различныхъ нечестныхъ поступковъ и кары нечестныхъ дѣятелей государственная власть безспорно имѣетъ въ своемъ распоряженіи много средствъ. Она можетъ опираться на контролирующія учрежденія, ведущія учетъ и провѣряющія расходы. Она можетъ обращаться къ суду для наказанія раскрытыхъ наиболѣе грубыхъ нарушеній какъ своихъ правъ, такъ и правъ своихъ гражданъ. Она можетъ устанавливать законы, ограждающіе отъ этихъ нарушеній, силу которыхъ она-же обезпечиваетъ устрашающими карами. Но дальше воздѣйствіе власти не идетъ.

Цѣлыя арміи надсмотрщиковъ, управляющихъ, начальствующихъ и контролирующихъ лицъ и учрежденій и самыя жестокія кары закона не въ силахъ дать иное направленіе работѣ людей, не имѣющихъ прочныхъ нравственныхъ устоевъ, не въ силахъ поставить ее въ рамки добросовѣстнаго исполненія долга и честнаго отношенія къ чужимъ интересамъ и чужому достоянію, а тѣмъ болѣе не могутъ подвигнуть ихъ на служеніе идеѣ—на какую либо безкорыстную жертву общественнымъ интересамъ. Такое направленіе труда можетъ исходить только изъ внутренней силы, накопленной самимъ обществомъ, самими дѣятелями, облагороженной яснымъ сознаніемъ обязанностей честнаго человѣка и внутреннимъ огнемъ, влекущимъ ихъ къ общему благу, а не къ своекорыстнымъ цѣлямъ.

Между тѣмъ, только наличность такихъ дѣятелей въ достаточномъ числѣ можетъ обезпечить полезный и успѣшный трудъ и здоровое развитіе народной жизни во всѣхъ ея сферахъ.

На энергическія мѣры государственной власти, направленныя къ оздоровленію кадровъ правительствен-

ныхъ агентовъ, наиболѣе соприкасающихся съ золотымъ дождемъ казенныхъ расходовъ и потому особенно подвергающихся соблазну, общество должно и можетъ отвѣтить усиленной работою по подъему понятій честности въ своей средѣ и выдвинуть новые кадры неподкупныхъ работниковъ.

На какихъ-же нравственныхъ нормахъ должно остановиться общество въ этой работѣ самовоспитанія?

Высокія нормы нравственности, присущія человѣческому сознанію, подтвержденныя откровеніемъ Бога-Человѣка, хранимыя и исповѣдуемыя наиболѣе духовно развитыми людьми, могутъ быть общимъ идеаломъ, къ которому стремятся люди, законами внутренняго духовнаго міра личности; но въ исполненіи ихъ или отступленіи отъ нихъ можетъ существовать отвѣтственность только передъ своей совѣстью и Богомъ. Требованіе точнаго соблюденія всѣхъ высокихъ нормъ нравственности, въ особенности въ объемѣ, установленномъ христіанскихъ ученіемъ, не можетъ быть дѣломъ общества. Нормы, установляемыя гражданскими и уголовными законами, возбраняющія только наиболѣе грубыя нарушенія чужихъ правъ и интересовъ, тоже не отвѣчаютъ этой задачѣ. Но между высокими идеальными требованіями, обоснованными на религіозныхъ вѣрованіяхъ, и грубыми правовыми нормами, охраняемыми законами гражданскими и уголовными, въ цивилизованныхъ обществахъ, хотя-бы среди его лучшихъ представителей, всегда существовало извѣстное среднее мѣрило поступковъ, которое примѣнялось самимъ обществомъ къ своимъ сочленамъ. Существовало признаніе обязательности извѣстной группы нормъ дѣятельности, извѣстнаго минимума нравственныхъ требованій для всѣхъ уважающихъ себя и желающихъ пользоваться уваженіемъ другихъ порядочныхъ людей.

Въ общественномъ сознаніи у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ всегда коренилась такая оцѣнка отношеній въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни: къ Богу, къ людямъ, къ закону, къ наукѣ, къ женщинѣ, а равно къ поступкамъ, затрагивающимъ чужое достояніе, чужое благо, чужую добрую славу, чужія убѣжденія, при которыхъ—одни назывались честными и благородными, другіе—безчестными и подлыми, и

для такихъ опредѣленій существовали извѣстныя нормы.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности, нормы эти въ разное время и въ разныхъ странахъ получали большее или меньшее развитіе, подвергались эволюціи, наравнѣ съ другими сторонами человѣческой культуры, но всегда и вездѣ, среди хотя-бы незначительнаго числа лучшихъ людей, извѣстная ихъ группа носила характеръ безусловной обязательности.

Съ первыхъ-же ступеней развитія духовной культуры у насъ, въ Россіи, какъ это было и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, наряду съ устоями патріархальной нравственности, которая, подъ вліяніемъ христіанства, постепенно проникала въ народныя массы, въ средѣ болѣе культурныхъ классовъ стали слагаться нормы понятій о чести. Эти понятія чести и ихъ носители сослужили крупную службу во всѣ выдающіеся моменты славной исторіи русскаго государства, они-же и завѣщали тѣ устои духовной мощи, съ которыми вступили въ жизнь XVIII вѣка высшіе культурные классы Россіи и дали немало вѣрныхъ сыновъ отечества и крѣпкихъ слугъ государству, преданныхъ наукѣ ученыхъ и выдающихся своей нравственной силой писателей, которые всѣ высоко цѣнили свое право на имя честнаго человѣка.

Право на это имя и сознаніе себя достойнымъ носить его было и останется всегда великимъ и неотъемлемымъ благомъ, громаднымъ преимуществомъ всякаго, слѣдующаго нормамъ честности, человѣка. Оно даетъ ему силу противостоять невзгодамъ жизни, сохраняя тотъ душевный покой, то сознаніе собственнаго неотъемлемаго достоинства, которое ни преимущества, даваемыя дурно пріобрѣтеннымъ богатствомъ и положеніемъ, добытымъ искательствомъ и компромиссами съ совѣстью, ни ложная слава, ни другіе успѣхи въ жизни—не могутъ ни дать, ни замѣнить.

Напрасно достигающіе успѣха и богатства неправдой и компромиссами стараются заглушить голосъ протестующей совѣсти утѣхами роскоши, легкой славы, удовольствіями положенія или просто кутежами и развратомъ,—они не могутъ найти того покоя

и душевной бодрости, которые даетъ только самоуваженіе, составляющее удѣлъ честнаго человѣка.

Честное отношеніе въ жизни къ чужому достоянію, интересамъ и убѣжденіямъ и слѣдованіе по пути нравственнаго долга и справедливости, не допускающія хищенія, неправды, обмана, насилія, клеветы, не есть нѣчто измышленное, навязанное, а беретъ свое начало въ естественныхъ законахъ нашей психики, столь-же неизмѣнныхъ, какъ и законы гигіены—и не нарушаются безнаказанно. Не исполняющіе ихъ остаются слабыми и больными духомъ людьми, обречены вѣчно клонить голову и не смѣть взглянуть прямо въ глаза честнымъ людямъ.

Насъ не должны обманывать побѣдные клики и гордые взгляды этихъ, потерявшихъ свое достоинство, людей. Это обманъ и маска, которую надѣваютъ они, чтобы скрыть свой позоръ.

Честные-же люди—соль земли. Ими держится, растетъ и сберегается все доброе, все, ведущее къ истинному благу человѣчества. Поэтому честные люди вправѣ сознавать въ глубинѣ души свое значеніе, свою силу, цѣну и достоинство, хотя-бы ихъ гнали, преслѣдовали, лишали заслуженнаго почета и успѣха временные хозяева положенія, т.-е., представители другого начала.

Честность, конечно, должна быть скромна и не выдвигаться, иначе она значительно теряетъ свою цѣну, но такова она можетъ быть и бываетъ въ эпохи патріархальной жизни и тамъ, гдѣ большинство порядочно. Мы же живемъ во времена, когда и честности приходится быть воинствующей и стремиться къ сорганизованности и къ отпору, пока еще крайне значительной силѣ злого начала.

На кадрахъ честныхъ дѣятелей въ обществѣ держится здоровый государственный, общественный и экономическій строй жизни. Отсутствіе или недостатокъ въ такихъ дѣятеляхъ не могутъ замѣнить никакія контролирующія учрежденія, никакіе уставы, смѣты, положенія, бухгалтерскіе отчеты, не можетъ замѣнить и страхъ кары закона и еще менѣе возвышенные оклады. Поэтому всякій человѣкъ, желающій блага своему отечеству, общественнымъ интересамъ или хотя собственному хозяйству, долженъ сочувство-

лать всякой попыткѣ поднять уровень честности въ обществѣ и содѣйствовать увеличенію числа честныхъ людей.

Настоящая статья и является попыткой оказать посильное содѣйствіе такой задачѣ.

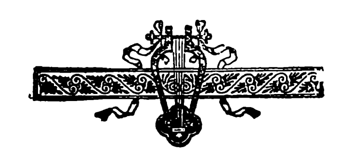
Но,—скажутъ намъ,—такая попытка безнадежна, надо принимать жизнь, какъ она есть. Она груба, нечистоплотна, конечно; но эта грубость, эта грязь вросла въ жизнь, связана съ ней, такъ сказать, органически,—закрывать на это глаза не слѣдуетъ. Все, что васъ такъ ужасаетъ,—это явленія почти бытовыя, слагавшіяся въ русской жизни вѣками, бороться съ ними нельзя,—всегда такъ было и будетъ. Можно, конечно, возмущаться, огорчаться, но мечтать измѣнить жизнь—безумно.

Неправда! Неправда, господа! Не темной и грязной жизни, насъ окружающей, управлять нами, а мы можемъ и должны управлять жизнью; на то и даны намъ разумъ, свобода и благостныя силы. Не изъ темной мути вокругъ должны брать мы наши цѣли и идеалы, не слѣпымъ ея воздѣйствіямъ подчиняться, не въ ней черпать наши настроенія...

Для насъ открыты другіе идеалы, иные образцы и открытъ неисчерпаемый источникъ благостной силы.

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Александръ Аксаковъ.



Скорбь родины.

Отчего не дають мнѣ всей грудью вздохнуть,
Не даютъ приласкать всѣхъ родимыхъ дѣтей,
Ихъ въ объятья привлечь на широкую грудь.
И созвучьемъ сердецъ насладиться полнѣй?
Злая зависть, раздоръ и корысть вожаковъ
Не даютъ помирить дорогихъ сыновей,
Раздѣлили ихъ кольца желѣзныхъ оковъ
На соперниковъ злыхъ, на партійныхъ людей.

Отчего я собрать къ одному алтарю
Не могу всю семью своихъ чадъ дорогихъ
И въ молитвѣ святой къ неземному Царю
Ихъ очистить отъ скверны и скорбей земныхъ?
Подѣлили ограды тяжелыхъ цѣпей
Путь прямой ко престолу единаго Бога,
Адскихъ безднъ сторожа остудили людей
Отъ красотъ церкви вѣчной святого чертога.

Отчего не могу щедрой жизни дары
Подѣлить безъ вражды межъ своихъ сыновей?
Въ нихъ веселье зажечь, чтобъ счастливой поры
Звонко пѣсня неслась по раздолью полей?
Чаша яда влита въ жизнь моихъ сыновей—
На природы дары не хотятъ и смотрѣть;
Рыщетъ злоба средь нихъ, злая зависть за ней,
Не своимъ, а чужимъ хочетъ каждый владѣть.

Отчего славой дивной былого зажечь
Не могу я сердецъ своихъ чадъ дорогихъ?
Не могу ихъ на подвигъ желанный увлечь,
Возродить и вернуть силу стяговъ моихъ?
Море лжи и клеветъ помрачило ихъ взоръ;
Рядъ побѣдъ, славныхъ дѣлъ погребенъ и забытъ;
И остылъ прежній пылъ ихъсердецъ съ этихъ поръ,

И не добрый совѣтъ ихъ дѣлами вершитъ.

Не стерпѣть, не избыть мнѣ кручины лихой,
Не забыть славы дивной минувшихъ вѣковъ,
И хочу я разбить той судьбы моей злой
Рядъ преградъ и цѣпей, и желѣзныхъ оковъ.
И тогда я опять на широкую грудь
Привлеку, какъ и встарь, чадъ своихъ дорогихъ,
Чтобъ имъ бодрость и силу, и радость вдохнуть—
Мертвымъ въ память, на новую славу живыхъ.

Александръ Аксаковъ.

Завѣты недавняго прошлаго.

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата;
Нужна Мнѣ правда на судѣ...
Хомяк

I.

Кто хочетъ не только знать русскую жизнь, въ ея поверхностномъ теченіи, но понять и опредѣлить глубокія нравственныя основы нашего духовнаго склада и вытекающія отсюда, какъ свѣтлыя, такъ и темныя особенности нашей жизни, тотъ не можетъ не знать и не смѣетъ пройти мимо, не ознакомившись съ личностью и литературными трудами А. С. Хомякова. Удивительная нравственная чистота, глубокая обаятельность, засвидѣтельствованныя всѣми современниками Хомякова, были связаны съ полной независимостью, со строгой неподкупностью и поражающей простотой его всегда глубокой и обоснованной мысли.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился 1-го мая 1804 года въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Вспольѣ. По отцу и по матери дворянскаго рода, онъ могъ далеко вглубь коренной русской старины прослѣдить своихъ предковъ: въ ихъ домѣ

хранились письма царя Алексѣя Михайловича къ его любимому сокольничему Петру Семеновичу Хомякову— предку Алексѣя Степановича по прямой линіи. Мать Хомякова происходила изъ рода Кирѣевскихъ. Семейная атмосфера, въ которой выросъ Алексѣй Степановичъ, вся была пропитана лучшими началами русской жизни: трезвою, искреннею вѣрой, неподдѣльнымъ чувствомъ народнаго братства и здравымъ смысломъ.

Образованіе Хомяковъ получилъ домашнее, но глубокое и всестороннее, прекрасно владѣлъ тремя новыми языками и, сверхъ того, языкомъ латинскимъ.

Его дѣтство было ярко освѣщено живыми впечатлѣніями войны 1812 года, воспоминаніе о которой онъ сохранилъ на всю свою жизнь.

Въ 1825 году Хомяковъ отправляется заграницу и больше года проводитъ въ Парижѣ, частью пополняя свое образованіе, частію занимаясь живописью.

Характерно отмѣтить, что молодой, 20-тилѣтній Хомяковъ, живя въ Парижѣ среди его привлекательныхъ соблазновъ, ведетъ жизнь крайне уединенную и, вдобавокъ, ухитряется въ полной строгости сохранить Великій постъ, который ему пришлось прожить въ Парижѣ.

Въ 1828 году мы видимъ его на военной службѣ, участникомъ русско-турецкой войны, гдѣ онъ выказалъ блестящую храбрость; затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ.

Въ 1836 году Хомяковъ женился на сестрѣ извѣстнаго поэта Языкова, Екатеринѣ Михайловнѣ, и этотъ бракъ былъ рѣдкостнымъ образцомъ полнаго и чистаго супружескаго счастія. Въ это время около Хомякова составился кружокъ, душою котораго былъ онъ самъ. Среди этого кружка мы находимъ такія имена, какъ Ю. Ф. Самаринъ, К. С. Аксаковъ, Грановскій. Сближеніе началось съ горячихъ философскихъ споровъ, а кончилось тѣсною искреннею дружбой.

Хомяковъ былъ душою собранія. Все общество оживало отъ его умной, какъ-бы искрящейся золотомъ бесѣды, отъ его поразительной способности спорить, неожиданныхъ оборотовъ мысли, мѣткой ироніи и удивительнаго умѣнья облегчить отвлеченный споръ

остроумнымъ анекдотомъ. Онъ имѣлъ даръ привлекать сердца молодыхъ и старыхъ, кружокъ ширился и привлекалъ къ себѣ даже тѣхъ, кто расходился въ мнѣніяхъ съ Хомяковымъ и его друзьями.

Хомяковъ не искалъ славы и извѣстности: онъ говорилъ и жилъ только для дѣла, интересовался успѣхомъ своихъ идей, безъ всякаго отношенія къ своей личности. Когда друзья упрекали его, зачѣмъ онъ только говоритъ, а не пишетъ, чтобы такимъ образомъ его идеи расходились въ болѣе широкихъ кругахъ общества, онъ отвѣчалъ, что считаетъ живое слово гораздо болѣе могучимъ орудіемъ, чѣмъ слово писаное. Многія изъ его стихотвореній были напечатаны его друзьями даже безъ вѣдома автора.

Ему иногда ставили въ вину неожиданные обороты мысли, но онъ говорилъ: наше общество покрыто такой корой апатіи и сонливости, что эту кору умственнаго бездѣйствія надо пробивать молотомъ.

Въ спорахъ Алексѣй Степановичъ, въ особенности, когда шла борьба двухъ крайнихъ мнѣній, одинаково нападалъ на ту и на другую сторону, что для поверхностныхъ наблюдателей давало поводъ обвинять его, будто онъ самъ иногда опровергаетъ то, что защищалъ, между тѣмъ, какъ мысль Хомякова была всегда строго и глубоко послѣдовательна. Но какъ спорщикъ, онъ былъ неодолимъ, а своими остроумными выпадами приводилъ въ раздраженіе противниковъ, но изъ этого положенія онъ выходилъ великолѣпно.—Разсердитъ онъ своего противника донельзя,—разсказываетъ про него Погодинъ,—и тутъ же окончитъ споръ веселой шуткой и добродушно посмѣется надъ своимъ собесѣдникомъ, надъ самимъ собою.

Дѣтски кроткій, онъ былъ чрезвычайно благодушенъ къ людямъ, только развратъ, насиліе и бездушіе находили въ немъ непримиримаго врага. Простота его обхожденія была очаровательна; онъ ставилъ себя очень невысоко, чуждъ былъ самоувѣренности, съ терпимостью относился къ чужимъ мнѣніямъ; съ людьми недалекими онъ былъ терпѣливъ и говаривалъ, бывало, что въ жизни еще не встрѣчалъ дурака.

Въ 1852 году Алексѣя Степановича поразило

тяжкое горе—умерла его жена. Послѣ 15-ти лѣтъ невозмутимаго счастія переживать такую потерю было очень тяжело, и А. С. измѣнился до неузнаваемости.

Но не одно семейное горе ложилось тяжестью на его сердце. Такія убѣжденныя и такъ горячо любящія души знаютъ боль сильнѣйшую личныхъ несчастій: Хомяковъ горячо любилъ людей и, прежде всего, Россію, а всякое ослѣпленіе, всякое темное пятно, всякое зло и неправда въ любимомъ причиняло ему глубокое, и скрытое страданіе. Этого не знали люди, видѣвшіе его остроумнымъ, живымъ собесѣдникомъ, вносившимъ въ общество неудержимый смѣхъ. Но глубоко скрытое внутри, иногда ярко прорывалось наружу.

На одномъ вечерѣ, въ пріятельскомъ кругу, онъ былъ какъ-то особенно веселъ и безпеченъ,—разсказываетъ Ю. Ф. Самаринъ,—это было вскорѣ послѣ Севастопольской войны, настроеніе Хомякова такъ рѣзко расходилось съ тономъ общества, что оскорбило кого-то изъ близкихъ его друзей, который обратился къ нему съ прямымъ упрекомъ: „не понимаю, какъ вы можете смѣяться, когда у всѣхъ скребетъ на сердцѣ и обрывается голосъ отъ сдержаннаго плача“

Хомяковъ опустилъ голову; лицо его приняло выраженіе серьезное, но въ то же время радостное, и, наклонившись къ тому, кто сдѣлалъ ему упрекъ, онъ сказалъ почти шепотомъ: „я плакалъ про себя тридцать лѣтъ, пока вокругъ меня все смѣялось; поймите-же, что мнѣ позволительно радоваться, при видѣ всеобщихъ слезъ ко спасенію“

А въ отвѣтъ на свою горячую и безкорыстную любовь, онъ слишкомъ часто встрѣчалъ въ обществѣ и насмѣшку, и клевету, и самыя злобныя обвиненія. „Онъ хочетъ возвратиться къ старинѣ, а слѣдовательно, защищаетъ кнутъ“, говорили одни. „Онъ—ханжа“, восклицали другіе; „онъ соблюдаетъ середы и пятницы“—и, мягкаго по характеру, кротко любящаго Хомякова, награждали прозвищемъ религіознаго фанатика. Нѣкоторые провозглашали его человѣкомъ опаснымъ, безпокойнымъ, прямымъ революціонеромъ,

краснымъ вольнодумцемъ и даже безбожникомъ. Усердно распространялся слухъ, что онъ будетъ административно высланъ изъ Москвы.

Какою болью должно было это отзываться на душѣ Хомякова, объ этомъ каждый можетъ судить самъ, но онъ на это никогда не жаловался и переживалъ все молча.

Въ 50-хъ годахъ Хомяковъ былъ избранъ въ предсѣдатели Общества Любителей Россійской словесности, а съ 1856 года сталъ участвовать въ изданіи журнала „Русская Бесѣда“

Когда прошелъ слухъ объ освобожденіи крестьянъ, Хомяковъ сразу-же пошелъ навстрѣчу этому движенію и сдѣлалъ первый, возможный въ то время шагъ,— перевелъ крестьянъ съ барщины на оброкъ, причемъ условія этого перехода были выработаны на крестьянскихъ сходкахъ, на которыхъ непосредственное участіе принималъ самъ Алексѣй Степановичъ.

Въ 1860 году А. С. Хомяковъ былъ въ Рязанской губерніи въ своемъ имѣніи. 23-го сентября у него появились признаки холеры, и къ вечеру онъ скончался.

Тѣло его перевезли хоронить въ Москву, на кладбище Данилова монастыря. Наряду съ немногими друзьями, провожавшими тѣло почившаго А. С. въ могилу, обратилъ на себя вниманіе какой-то крестьянинъ, который неотступно слѣдовалъ за гробомъ и провожалъ его горькими слезами. Россія лишилась одного изъ своихъ наилучшихъ сыновей.

II.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ, онъ сулитъ міру:
Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль, ты мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день, и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваше серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!....

Если-бы вы совершенно случайно прочли это стихотвореніе, не зная его автора, не догадываясь, по какому поводу оно написано,—вы не могли-бы не сказать, что писалъ это человѣкъ, глубоко вѣрующій, весь проникнутый пламенной христіанской любовью, надѣленный удивительно строгой и точною мыслью.

Но это писалъ Хомяковъ—и передъ нами встаетъ величавый образъ мудреца-христіанина, глубоко вѣрующаго и пламенно любящаго.

Мы говоримбъ „мудреца“ и настаиваемъ на этомъ

слове̌, потому что Хомяковъ не былъ христіанскій писатель или мыслитель, настроенный на христіанскій ладъ; онъ не былъ подвижникъ, затворившійся отъ міра на личное самоусовершенствованіе. Если его личная жизнь до мелочей была проникнута не только внутреннимъ горѣніемъ христіанской мысли и чувства, но даже ея внѣшнія мелочи были обставлены въ строго церковномъ духѣ, то въ такой же всеобъемлющей полнотѣ всякій общественный фактъ, всякое сказанное или написанное слово, всякая, выраженная имъ мысль, были глубоко проникнуты христіанскою вѣрою и тѣмъ наилучшимъ изъ ея внѣшнихъ выраженій, которое носитъ свѣтлое имя—православіе.

Когда онъ говоритъ, напримѣръ, о Россіи и ея просвѣщеніи, изъ-подъ его пера вырываются слѣдующія драгоцѣнныя строки:

„Основаніе, на которомъ воздвигнется прочное зданіе русскаго просвѣщенія, это вѣра, вѣра православная, со всею ея животворною и строительною силою, мысленною свободою и терпѣливою любовью. Но она не со вчерашняго дня озарила русскую землю и не даромъ жила въ ней въ продолженіе многихъ столѣтій. Много оставила она намъ памятниковъ своего благодатнаго дѣйствія, много живыхъ слѣдовъ запечатлѣла въ просвѣщеніи отдѣльныхъ лицъ и въ общежительности народа. Почтительно изучать эти памятники въ прошедшемъ, горячо любить эти слѣды въ настоящемъ, особенно же помнить, что это не дѣло односторонняго разсудка, но дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постояннаго стремленія къ нравственному самоулучшенію,—таковъ долгъ всякаго русскаго, ясно понимающаго великое призваніе своей родины........Помня о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, мы должны ожидать и надѣяться, что, съ помощью Божьей, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси. Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ, чтобы пребывать въ истинѣ,—средство простое и легкое неиспорченному

сердцу: полюбить ее, ея прошлую жизнь и ея истинную щедрость, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внѣшними наплывами, которыхъ не могъ избѣгнуть никакой народъ новой исторіи, создавшей, неизвѣстное древности, общество народовъ........Разумѣется, ошибки неизбѣжны, но истина дается тому, кто ее ищетъ добросовѣстно, а всякая истина служитъ Богу. Пусть только каждый изъ насъ исполняетъ свой долгъ по мѣрѣ силъ, трудясь надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ, и, сколько можетъ, обогащая братьевъ своихъ своими мысленными пріобрѣтеніями..........Каждый вѣкъ имѣетъ свой Богомъ данный ему трудъ и каждый исполняетъ его не безъ крайняго напряженія силъ, не безъ борьбы и страданій вещественныхъ или душевныхъ. Но трудъ одного вѣка есть посѣвъ для будущаго, а не легка работа посѣва. Боговдохновенный пѣвецъ говоритъ: „Сѣющіе слезами, радостію пожнутъ. Ходящіе хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя; грядущіи же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя". (Томъ I, стр. 258—59—60).

Хомяковъ высшимъ и священнѣйшимъ назначеніемъ Россіи считалъ дарованіе всему міру цѣльнаго и полнаго просвѣщенія, построеннаго на христіанскихъ живыхъ началахъ, и воплощеннаго въ жизнь.

Но, ставя Россію такъ высоко въ ея духовныхъ дарахъ, пламенно желая столь великаго и почти чудеснаго будущаго, онъ ни на одну минуту не поддавался самомнѣнію и гордости самъ и не вовлекалъ въ нее другихъ.

Какъ христіанинъ, онъ прежде всего требуетъ отъ всякаго, будетъ ли то отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ, какъ-бы онъ ни былъ надѣленъ духовными дарами и всѣми благами міра, прежде всего и больше всего христіанскаго смиренія: не лицемѣрнаго святошества, не показного смиренія, которое хуже всякой гордости, не лицемѣрныхъ словъ, которыя чаще всего обличаютъ гордость необъятную, но искренняго и глубокаго смиренія на дѣлѣ. И вотъ какъ онъ понимаетъ его:

„Мы—родъ избранный", говорили
Сіона дѣти въ старину:

„Намъ божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину.

Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ, и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.

Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для насъ законъ, у насъ пророки;
Въ насъ Божьей силы чудеса!"

Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столбъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!"

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живого,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

А обращаясь къ Россіи и ея вѣковымъ грѣхамъ, онъ бросаетъ горькое слово укоризны:

Не говорите: „То былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ"
Нѣтъ, это грѣхъ—онъ вѣчно съ нами,

Онъ въ вашихъ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель русской старины;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новгородъ, его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,

За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды родного края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

И той же Россіи онъ умѣетъ показать все ея величіе и силу и бросить глубоко христіанскій призывъ. Онъ говоритъ:

„Гордись, тебѣ льстецы сказали,
Землѣ съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стали,
Полміра взявшая мечомъ!
Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
И, прихотей твоихъ раба,
Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
Тебѣ покорная судьба.
Красны степей твоихъ уборы,
И горы въ небо уперлись,
И, какъ моря, твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата

Царица западныхъ морей.
И что-же Римъ? И гдѣ монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ.
Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!..

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ.

Приведенныя строки написаны около 70-ти лѣтъ тому назадъ. Но глубокая прозорливость ума и живая чуткость сердца открыли Хомякову самую суть нашей

народной жизни, обнажили ея корни и дали возможность угадывать будущее. Прочтите приведенное стихотвореніе теперь—и вы едва-ли въ силахъ будете выбросить болѣе двухъ-трехъ строкъ, не относящихся и къ нашему времени и не представляющихъ собою безусловной правды, сказанной съ поразительною искренностью.

Но не только въ области широкихъ историческихъ воззрѣній, но и въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ, котораго Хомяковъ касался, онъ остается совершенно послѣдователенъ и вѣренъ самому себѣ.

Говоря о государствѣ и о цѣли этой формы человѣческаго общежитія, Хомяковъ разсуждаетъ такъ: „Наша земля такая, которая никогда не пристрастится къ такъ называемой практикѣ гражданскихъ учрежденій. Она вѣритъ высшимъ началамъ, она вѣритъ человѣку и его совѣсти; она не вѣритъ и никогда не повѣритъ мудрости человѣческихъ расчетовъ и постановленій. Отъ этого-то и исторія ея представляетъ такую, повидимому, неопредѣленность и часто такое неразумѣніе формъ; а въ тоже время, вслѣдствіе той-же причины, отъ начала этой исторіи постоянно слышатся такіе человѣческіе голоса, выражаются такія глубокія человѣческія мысли и чувства, которыхъ не встрѣчаемъ въ исторіи другихъ, болѣе блестящихъ и, повидимому, болѣе разумныхъ общественныхъ развитій. Для Россіи возможна одна только задача: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высокихъ нравственныхъ началахъ.... Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему; все, что основывается на самоотреченіи и самопожертвованіи—все это заключается въ одномъ словѣ—христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ... Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе особеннаго характера нашего племени; но безъ сомнѣнія оттого, что намъ дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ братолюбивой сущности, а самое государство, по взгляду Хомякова, есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ нимъ“

Въ связи съ этимъ опредѣленіемъ государства стоитъ замѣчательное по глубинѣ мысли и по жизненности опредѣленіе права. Въ посланіи къ сербамъ Хомяковъ пишетъ: „не говорите много о правѣ и о правахъ и не очень слушайте тѣхъ, которые говорятъ о нихъ; но слушайте охотно тѣхъ, которые говорятъ объ обязанностяхъ, потому что обязанность есть единственный источникъ права. Знаніе собственнаго права въ сильномъ ничего не значитъ, освящая только его волю, а въ безсильномъ оно ничтожно, по самому его безсилію. Знаніе-же обязанности связываетъ сильнаго, созидая и освящая права слабыхъ. Себялюбіе говоритъ о правѣ, а братолюбіе говоритъ объ обязанностяхъ“

Эта мысль совершенно ясно и опредѣленно кладетъ въ основу человѣческихъ отношеній не формальныя и внѣшнія обязанности и права, а сознаніе своихъ внутреннихъ обязательствъ по отношенію къ своему ближнему, что съ полною послѣдовательностью вытекаетъ изъ основъ христіанской жизни, т.-е., братской любви, требующей устроенія человѣческой жизни на началахъ совѣсти.

„Здоровое общество гражданское,—говоритъ Хомяковъ,—основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи. Это понятіе, это чувство воспитывается и крѣпнетъ только въ православіи. Не даромъ община и святость мірского приговора, и безпрекословная покорность передъ единогласнымъ рѣшеніемъ братьевъ—сохранились только въ земляхъ православныхъ. Одинъ только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряетъ ее единогласному рѣшенію соборной совѣсти“

„Соборная совѣсть“, великое понятіе впервые высказанное Хомяковымъ, открываетъ неизмѣримую глубину его взгляда на человѣческія отношенія, въ какой бы формѣ они ни складывались. Чловѣческія силы и способности ограничены; и единичная человѣческая совѣсть, какъ-бы она ни была чутка и строга, всегда можетъ быть потемнена, всегда можетъ ошибиться подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, окружающихъ человѣка. Наконецъ, можно не охватить какого либо явленія во всей его полнотѣ и не откликнуться на его отрицательныя сто-

роны. Но соборная совѣсть, какъ ее понимаетъ Хомяковъ, выростаетъ въ нѣчто могучее и почти лишенное возможности ошибаться. Совѣсть цѣлаго человѣческаго общества, соединеннаго одною глубокою вѣрою, однимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ, охваченнаго пламенемъ братской любви,—такая совѣсть всеобъемлюща. И Хомяковъ—христіанинъ, становясь Хомяковымъ—гражданиномъ, вноситъ единое и великое начало въ свое сознаніе и въ сознаніе всякаго человѣческаго общества.

Какъ понятны тогда становятся слѣдующія его замѣчательныя слова, въ которыхъ онъ выражаетъ свое понятіе объ отечествѣ: „Отечество находится не въ географіи. Это не та земля, на которой мы живемъ и родились, и которая на картахъ обводится зеленой или желтой краской. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, къ которой я приписанъ, даже не та, которою я пользуюсь и которая давала мнѣ съ дѣтства такія-то или такія-то права и такія-то или такія-то привилегіи. Это та страна и тотъ народъ, создавшій страну, съ которыми срослась вся моя жизнь, все мое духовное существованіе, вся цѣль моей человѣческой дѣятельности. Это тотъ народъ, съ которымъ я связанъ всѣми жилами и сердцемъ и отъ котораго оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло. Тотъ, кто бросаетъ отечество въ безуміи и страсти, виновенъ передъ нравственнымъ судомъ, какъ всякій преступникъ, пожертвовавшій какою-бы то ни было святыней вспышкѣ требованія эгоистическаго. Но разрывъ съ жизнью, разрывъ съ прошедшимъ и раздоръ съ современнымъ лишаютъ насъ большей части отечества...“ (Т. I, стр. 45).

Высокія понятія о личной и общественной совѣсти и требованія на первомъ планѣ ставить прежде всего обязанности, а потомъ уже права, даютъ Хомякову возможность высказать слѣдующій, необычайно широкій и не для его времени взглядъ: „Вы создали у себя власть,—пишетъ онъ въ посланіи къ сербамъ,—повинуйтесь ей и укрѣпляйте ее, дабы не впасть въ безначаліе и безсиліе; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнія, какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и уми-

раютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ и, можетъ быть, еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣлимую слѣпоту и готовитъ гибель самой себѣ. Мы говоримъ: охраняйте свободу мнѣній и охраняйте ее не только отъ власти, но и отъ самихъ себя. Пусть высказывается всякое сужденіе, какъ-бы оно ни было противно вамъ самимъ. Если оно справедливо, оно распространится ко благу общему, ибо правда разумнѣе лжи. Что-же бываетъ тамъ, гдѣ мнѣнія не высказываются изъ страха? Справедливыя пропадаютъ, потому что они любятъ свѣтъ, а ложныя, которыя любятъ тьму, не будучи обличены, разрастаются, какъ скрытая язва, и заражаетъ собою самые источники жизни. Выслушивайте все, обличайте неправду, и вы побѣдите ее своею вѣрою въ силу истины, которая есть отъ Бога“

Говоря о свободѣ мнѣнія личнаго, Хомяковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, придаетъ громадное значеніе мнѣнію общественному. Онъ его считаетъ необходимою принадлежностью всякаго общества, но требуетъ, чтобы оно было строго къ самому себѣ. „Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ въ посланіи къ сербамъ, безъ этого не убережетесь отъ постоянной порчи нравственно; не давайте воли неразумнымъ подозрѣніямъ и недовѣрію, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте“

Требуя строгаго и неуклоннаго суда въ общественномъ мнѣніи, какъ одной изъ формъ внѣшняго выраженія соборной совѣсти, въ приложеніи къ суду уголовному Хомяковъ прилагаетъ другое начало. „Въ судѣ законномъ и уголовномъ будьте милосердны. Помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть большая или, меньшая вина общества, мало оберегающаго своихъ членовъ отъ первоначальнаго соблазна, или не заботящагося о христіанскомъ образованіи ихъ съ раннихъ лѣтъ“.

Хомяковъ не былъ-бы вѣренъ самъ себѣ, если бы, проводя начала совѣсти, какъ обязательныя въ жизни народа, государства и общественныхъ установленій, проводя это въ уголовномъ судѣ, не требовалъ того-же

самаго и отъ суда гражданскаго. „Дайте мѣсто совѣсти и въ судѣ гражданскомъ,—говоритъ онъ,—стыдно, когда законный обрядъ въ обществѣ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ правда и добрая совѣсть, а это часто случается“

III.

Мы взяли изъ сочиненій Хомякова, изъ всего неисчерпаемаго богатства, которое онъ оставилъ въ наслѣдіе Россіи, однѣ малыя крупицы. Пересказывать его своими словами нельзя—это преступленіе; перенести въ статью всѣ его сочиненія — невозможно; проще и легче взять книгу въ руки и перечитать, не пропуская ни одного слова. Характерно отмѣтить, что сочиненія Хомякова совсѣмъ не представляютъ собою строго систематическаго изложенія мыслей, или же строгой философской системы, нѣтъ, это, частію статьи, частію замѣтки, письма или записки, совсѣмъ не предназначавшіяся къ печати. Но до такой степени была глубока и цѣльна эта натура, такъ строго продуманы, пережиты и всецѣло усвоены всѣ взгляды и убѣжденія, что отсутствіе внѣшней системы, вызывая первоначально чувство сожалѣнія о ея отсутствіи, затѣмъ совершенно отпадаетъ и остается одно ощущеніе—непреодолимой жизненности.

Чѣмъ больше вы вчитываетесь въ Хомякова, тѣмъ больше онъ захватываетъ васъ, убѣждаетъ вашу мысль, привлекаетъ къ себѣ ваше сердце и заставляетъ жить однимъ настроеніемъ съ собою. Да иначе и быть не можетъ. Такой внутренней гармоніи, такого поразительнаго равновѣсія духа, гдѣ вѣра, любовь и разумъ слились въ одно цѣлое, почти ни у кого изъ писателей найти нельзя. Вы съ нимъ поднимаетесь на высоты общечеловѣческаго пониманія братства и любви, вы горько каетесь съ нимъ вмѣстѣ въ историческихъ грѣхахъ Россіи, вы пламенно мечтаете о ея будущей славѣ и величіи; строго, разумно и совѣстливо устанавливаете основы человѣческаго общежитія, вы вѣрите съ нимъ разумною и сознательною вѣрою христіанина, вы молитесь и не можете не молиться, когда ласкаютъ вашъ слухъ и захватываютъ вашу душу пѣвучія строфы его „Вечерней пѣсни“:

„Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

Ночь на восходѣ, съ вечерней звѣздою,
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.

Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ не вечерній,
Насъ осіяй!

Во мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ,

Всюду сіяніе солнца святого,
Божія мудрость и сила, и слово...
Слава Тебѣ!

Среди нашего безвременья слишкомъ часто путается мысль, стынетъ вѣра, глохнетъ чувство и сердце не можетъ подняться до молитвеннаго умиленія,—перечитайте Хомякова, онъ поможетъ вамъ вернуть къ себѣ ясную и свѣтлую мысль, своею крѣпкою и твердою вѣрой онъ поддержитъ вашу — колеблющуюся, яркимъ пламенемъ братской любви онъ зажжетъ вашу душу, а ваше сердце само запроситъ молитвы.

І. Никаноровъ.

Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ.

(Ч. Дарвинъ и гр. Л. Толстой).

Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные.

Матѳ. 7, 15

Дарвинъ и гр. Толстой—вотъ два имени, превознесенныя въ современной наукѣ и искусствѣ; и, если мѣрить заслуги людей внѣшнимъ успѣхомъ ихъ дѣла, мы, русскіе, могли-бы, давъ волю своему тщеславію, сказать: въ лицѣ гр. Л. Толстого культурная Россія во второй половинѣ XIX вѣка не только сравнялась съ Западомъ, но даже превзошла его; такъ много шума подняло вокругъ себя имя нашего престарѣлаго писателя.

Шумная слава, пріобрѣтенная въ массѣ современной интеллигенціи двумя названными дѣятелями—однимъ въ наукѣ, другимъ въ искусствѣ,—конечно, прежде всего говоритъ за то, что оба они по своимъ воззрѣніямъ вполнѣ подошли къ этой массѣ.

Какъ же мы, христіане, должны смотрѣть на современную интеллигентную массу и какъ должны мы, судя по ея воззрѣніямъ, характеризовать переживаемое нами время?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что переживаемое нами время, отмѣченное блескомъ внѣшней культуры и быстрымъ ростомъ опытнаго знанія, должно быть характеризовано, какъ время явнаго богоотступничества широкихъ круговъ просвѣщенныхъ массъ, богоотступничества, доходящаго уже и до прямой борьбы съ христіанствомъ.

Мы должны признать несомнѣннымъ, что современныя просвѣщенныя массы находятся въ состояніи тягчайшаго самообмана: онѣ склонны вѣрить въ истин-

ность міросозерцанія, хотя бы и несовмѣстимаго съ ученіемъ Христа. Онѣ не хотятъ видѣть, что всякій, проявляющій эту склонность, уже тѣмъ самымъ отрекается отъ Христа, а, слѣдовательно, становится Его врагомъ, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ сознательнымъ.

Вотъ каково положеніе современныхъ намъ просвѣщенныхъ массъ. Ихъ воззрѣнія ярко выразились въ дарвинизмѣ съ одной стороны, въ проповѣди гр. Толстого—съ другой. Что съ истинно-христіанской точки зрѣнія ученіе Дарвина и проповѣдь гр. Л. Толстого есть соблазнъ, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но главное несчастіе нашего времени заключается именно въ томъ, что успѣхъ этого соблазна былъ обезпеченъ не такъ его силой—передъ ученіемъ Христа всѣ его враги по существу безсильны—какъ готовностью итти на этотъ соблазнъ тѣхъ, кого на него толкали. Вотъ почему всѣ истинно вѣрующіе во Христа должны быть здѣсь на стражѣ, и, если велика отвѣтственность соблазнителей, то не свободны отъ нея и тѣ, кто, имѣя въ рукахъ вѣрное орудіе борьбы съ соблазномъ, отъ этой борьбы уклоняются; вѣдь дѣло зашло уже очень далеко. Допустимъ, что Дарвинъ и гр. Л. Толстой выступили противъ ученія Христа, въ его истинномъ смыслѣ, быть можетъ и не вполнѣ сознательно; допустимъ, что оба они не могли предвидѣть неизбѣжнаго результата поднятой ими, однимъ въ наукѣ, другимъ въ искусствѣ, борьбы съ христіанскимъ міросозерцаніемъ; но вѣдь теперь этотъ результатъ уже у насъ передъ глазами. Другъ и вѣрный послѣдователь Дарвина, Геккель, уже открыто призываетъ науку къ борьбѣ съ христіанствомъ, а самъ гр. Л. Толстой, начавшій тѣмъ, что въ корень испортилъ лучшее изъ своихъ беллетристическихъ произведеній „*Войну и миръ*“ антихристіанской (пантеистической) тенденціей, дошелъ до созданія романа „*Воскресеніе*“, въ которомъ, какъ и въ мнимо-филосовскихъ сочиненіяхъ на религіозныя темы, по справедливому выраженію одного изъ нашихъ миссіонеровъ, „кощунственно попираетъ все, что дорого и свято для христіанина“ *).

*) Айвазовъ, „Кто такой Л. Толстой“ (Старая Москва, 1908 г. № 71).

Зададимся здѣсь вопросомъ: неужели обманчивость проповѣди Дарвина и гр. Толстого не самоочевидна? неужели проповѣдь эта показалась прислушавшейся къ ней интеллигентной толпѣ дѣйствительно убѣдительной? Отвѣтъ здѣсь можетъ быть одинъ: конечно, нѣтъ. Нелѣпость проповѣди прямо поразительна для всякаго непредубѣжденнаго ума; но, повторяемъ, Дарвинъ и гр. Толстой проповѣдывали толпѣ, охотно шедшей на тотъ же самообманъ, которому служили и сами проповѣдники. Отвернувшаяся отъ Бога интеллигентная толпа въ возвеличеніи Дарвина и гр. Толстого искала оправданія своимъ собственнымъ вожделѣніямъ.

Этого, однако, еще мало. Печальную черту нашего времени составляетъ и то, что даже истинно-христіански настроенные мыслители часто бываютъ готовы видѣть въ Дарвинѣ и гр. Толстомъ, хотя быть можетъ и заблудшихъ, но все-же дѣйствительныхъ искателей истины. Казалось бы, это просто невѣроятно: вѣдь оба прославленные проповѣдника нашего времени искали одного—обосновать міросозерцаніе, не согласное съ тѣмъ, которое вытекаетъ изъ ученія Христа, какъ оно понимается Церковью, т. е. оба проповѣдывали антихристіанство. И вотъ, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, истинно-христіански настроенные мыслители, очевидно, увлеченные шумомъ, поднятымъ толпой вокругъ именъ Дарвина и гр. Толстого, пытаются у нихъ найти признаки служенія истинѣ для нея самой. Печальное недоразумѣніе; человѣкъ, неостанавливающійся для отстаиванія своего воззрѣнія передъ прямымъ попираніемъ правды, не можетъ быть дѣйствительнымъ искателемъ истины, и тотъ фактъ, что и такой человѣкъ порою становится на сторону правды, еще не искупаетъ его основной вины. Кто станетъ отрицать, что въ беллетристическихъ произведеніяхъ гр. Л. Толстого есть правдиво написанныя сцены и вѣрно отмѣченныя черты характеровъ, или кто станетъ отрицать, что Дарвинъ собралъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало любопытныхъ самихъ по себѣ фактовъ? Но заслуга въ сказанномъ отношеніи отнюдь не искупаетъ вины этихъ писателей—ихъ замысла навязать читателямъ міровоззрѣніе, которое должно быть прямо названо враждебнымъ христіанству.

Однако-же, повторяемъ, сказанное недоразумѣніе все еще длится, и дѣло доходитъ даже до того, что, напримѣръ, христіански настроенные мыслители, горячо нападая на Геккеля и его единомышленниковъ, считаютъ возможнымъ ставить имъ какъ бы въ примѣръ Дарвина, какъ защитника святого дѣла распространенія христіанскаго ученія. Такъ, въ книгѣ извѣстнаго антидарвиниста Деннерта читаемъ между прочимъ:

„Дыбомъ становятся волосы отъ утвержденія Бюхнера, будто между душой европейскаго ученаго и душой дикаря внутренней Африки или дикаря океаническихъ острововъ различіе болѣе велико, чѣмъ различіе между душой тѣхъ же дикарей и душой высокостоящаго животнаго. *). Само по себѣ это невѣрно; къ тому-же теперь хорошо извѣстно, что всякій здоровый представитель любой человѣческой расы можетъ быть просвѣщенъ въ короткое время, между тѣмъ этого нельзя было достигнуть въ отношеніи ни одного изъ наиболѣе высоко стоящихъ животныхъ. Увѣнчанная такимъ выдающимся успѣхомъ дѣятельность христіанской миссіи есть лучшее доказательство противъ Бюхнера. Послѣдній, конечно, никогда этого не призналъ бы. Но такой благородный человѣкъ, какъ Дарвинъ, призналъ непререкаемо успѣхъ миссіи... Какъ извѣстно, Дарвинъ затѣмъ поддерживалъ миссію значительнымъ ежегоднымъ взносомъ“ **).

Сочувственное отношеніе Дарвина къ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ, которое здѣсь подчеркиваетъ Деннертъ, только еще разъ показываетъ, что нѣтъ недостатка въ близорукихъ людяхъ, которые, подрывая дѣло въ его основѣ одной рукой, готовы его поддерживать другой, но отнюдь не снимаетъ съ того-же Дарвина отвѣтственности за то, что онъ своимъ ученіемъ оказывалъ поддержку и Бюхнеру, и Геккелю, и всему множеству ихъ послѣдователей, стремившихся

*) Какъ извѣстно, нынѣ съ этой „блестящей“ идеей носится Геккель, да и самъ Дарвинъ нашелъ возможнымъ, на основаніи своихъ поверхностныхъ наблюденій надъ дикими обителями Огненной Земли, утверждать, что языкъ ихъ „едва ли заслуживаетъ названія членораздѣльной рѣчи“ и т. п. вздоръ.

**) E. Dennert, Bibel u. Naturwissenschaft, 202.

сдѣлать изъ науки орудіе борьбы съ христіанствомъ. Христіански настроенные служители просвѣщенія не должны никогда забывать своей первѣйшей обязанности обличать всякаго врага христіанства, хотя бы и безсознательнаго. Всего менѣе простительно для нихъ отступленіе передъ врагами христіанства, окруженными шумной славой.

Та біологическая теорія, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ дарвинизма, есть несомнѣнно теорія антихристіанская, и основатель ея долженъ считаться несомнѣнно врагомъ христіанства. Повторяемъ, если бы допустить здѣсь, что мы имѣемъ дѣло съ врагомъ дѣйствительно безсознательнымъ, это нисколько не умаляетъ опасности совершеннаго имъ, скорѣе усугубляетъ эту опасность и тѣмъ громче призываетъ насъ къ борьбѣ съ нею. Будемъ твердо помнить, что все различіе между Дарвиномъ и Геккелемъ съ его послѣдователями состоитъ лишь въ томъ, что первый пытается опровергнуть истинность міросозерцанія, вытекающаго изъ ученія Христа, не заявляя себя на словахъ открытымъ врагомъ основъ этого ученія, а второй громко объявляетъ себя такимъ врагомъ; но несомнѣнно, что и тотъ, и другой преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль—внѣдрить широкимъ кругамъ мысль о томъ, что христіанское міросозерцаніе должно быть отвергнуто, какъ идущее будто бы въ разрѣзъ съ данными науки.

Въ полномъ согласіи съ сейчасъ сказаннымъ стоитъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что Дарвинъ относился съ величайшей симпатіей ко всѣмъ, выходившимъ при его жизни, сочиненіямъ Геккеля. Правда, Дарвинъ не дожилъ до изданія Геккелемъ его, такъ позорящей, по отзывамъ его же соотечественниковъ (проф. Паульсенъ), современную науку, книжки Welträtsel (Міровыя загадки); но о другихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ Геккель, какъ антихристіанскій мыслитель, высказался съ полной опредѣленностью, Дарвинъ говорилъ не иначе, какъ съ почтеніемъ. Въ предисловіи же къ своему „*Происхожденію человѣка*“ основатель дарвинизма, какъ извѣстно, высказалъ прямо, что если бы Naturliche Schöpfungsgechichte *(Естественная исторія творенія)*. Геккеля появилась ранѣе, то врядъ ли бы онъ, Дарвинъ, окончилъ свою, сейчасъ названную, книгу.

Повторяемъ, геккельянство, т. е. прямой призывъ къ борьбѣ съ христіанствомъ при помощи науки, должно быть разсматриваемо, какъ естественное порожденіе дарвинизма. Вѣдь эта теорія проповѣдуетъ происхожденіе живыхъ существъ высшей организаціи изъ живыхъ существъ низшей организаціи путемъ естественнаго отбора, т. е. побѣды въ борьбѣ за существованіе тѣхъ живыхъ формъ, которыя случайно будто бы оказались наилучше приспособленными къ условіямъ времени и мѣста. Спрашивается: можетъ-ли христіанинъ, вѣрующій въ Бога Промыслителя и Устроителя вселенной, не отказываясь отъ этой вѣры, признать истиннымъ міросозерцаніе, допускающее идею случайнаго возникновенія цѣлесообразности въ природѣ? Можетъ-ли истинный христіанинъ отстаивать съ Дарвиномъ нелѣпую мысль о томъ, что Творецъ создалъ только немногія простѣйшія существа или даже одно такое простѣйшее существо, а что затѣмъ изъ потомства созданнаго Творцомъ зачатка жизни, путемъ случайно сложившихся обстоятельствъ, произвошелъ—съ человѣкомъ во главѣ—весь міръ живыхъ существъ, такъ дивно и для нашего ограниченнаго ума прямо непостижимо приспособленныхъ къ условіямъ своего существованія?

Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ:

„Если же траву на полѣ, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, то кольми паче васъ, маловѣрныхъ“ (Матѳ. 6, 3; Лук. 12, 28).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, слѣдовательно, что, согласно ученію Христа, въ живомъ мірѣ все предустановлено: и строеніе травы въ полѣ, и внутренній міръ человѣка. Дарвинизмъ же выступилъ съ утвержденіемъ, что въ живомъ мірѣ ничто не предустановленно, что, какъ строеніе живыхъ существъ отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, такъ и внутренній, духовный міръ человѣка, нравственныя начала, управляющія его жизнью,—все это есть результатъ дѣйствія слѣпыхъ силъ природы. Словомъ, дарвинизмъ рискнулъ пойти противъ того, что христіанство считаетъ непререкаемой истиной. Что же удивительнаго послѣ сказаннаго, что самъ дарвинизмъ, при

хоть сколько нибудь безпристрастной критикѣ, оказывается въ полномъ смыслѣ слова лжеученіемъ? Дарвинъ и его послѣдователи, отстаивая свою теорію, идутъ на прямой самообманъ, вотъ почему они на каждомъ шагу вынуждены высказывать то нелѣпыя сужденія, то прямую неправду. *) За доказательствами ходить далеко не приходится.

Очень хорошо извѣстно, что главную заслугу своей теоріи Дарвинъ видѣлъ въ томъ, что ему удалось будто-бы гипотезу о превращеніи (эволюціи) низшихъ формъ въ высшія обратить въ твердо обоснованное научное положеніе; послѣднее уже можетъ быть формулировано такъ:

Подобно тому какъ человѣкъ въ своемъ хозяйствѣ путемъ искусственнаго отбора производителей выводитъ желательные для него сорта разводимыхъ растеній и породы домашнихъ животныхъ, такъ и слѣпыя сами по себѣ силы природы, путемъ естественнаго отбора, совершающагося въ результатѣ борьбы за существованіе, въ которой выигрываютъ поколѣнія живыхъ существъ, случайно наиболѣе счастливо одаренныя, создавали и создаютъ все разнообразіе живого міра на землѣ.

Такова сущность ученія, называемаго дарвинизмомъ. Поставимъ здѣсь прежде всего такой вопросъ: могъ ли основатель дарвинизма искренно вѣрить въ то, что ученіе его хоть сколько нибудь научно обосновано? и—наоборотъ: не находился ли онъ въ этомъ отношеніи въ полномъ самообманѣ? Утвердительно, конечно, должно отвѣтить на второй изъ поставленныхъ здѣсь вопросовъ. Доказать это, повторяемъ, очень трудно.

Прежде всего нужно отмѣтить, что хотя вся книга „*Происхожденіе видовъ*“ написана Дарвиномъ съ цѣлью доказать, будто эволюція, какъ ее понималъ основатель дарвинизма, т. е. постепенное превращеніе однѣхъ формъ, низшей организаціи, въ другія формы, высшей организаціи, произошла именно путемъ накопленія безчисленныхъ мелкихъ измѣненій, каждое изъ которыхъ было полезно въ борьбѣ за существованіе и

---

*) Ср. А. Тихомировъ, Судьба дарвинизма. Спб. 1907 г., А. Тихомировъ, Вина науки М. 1907 г.

слѣдовательно управлялось естественнымъ отборомъ, тотъ-же Дарвинъ закончилъ введеніе къ названной книгѣ словами: „Я убѣжденъ, что естественный отборъ былъ наиболѣе важнымъ хотя и не единственнымъ средствомъ эволюціи“ *)

Мыслитель, утверждающій, что естественный отборъ вызвалъ эволюцію живого міра и одновременно признающій, что тому же естественному отбору нельзя приписать въ данномъ отношеніи всеобъемлющаго значенія, очевидно не могъ быть въ дѣйствительности убѣжденъ, что названное утвержденіе его истинно и, если тѣмъ не менѣе онъ на этомъ утвержденіи обосновалъ всю свою теорію, то, очевидно, онъ платилъ здѣсь дань опредѣленному сомообману—не болѣе.

Хотя, казалось-бы, все это само собой понятно, и слѣдовательно дарвинизмъ не долженъ былъ бы считаться научной теоріей,—какъ разъ наоборотъ, на нашей памяти ученіе это было именно провозглашено стройной научной теоріей, и авторъ ея былъ признанъ глубоко ученымъ реформаторомъ біологіи, смѣло идущимъ на встрѣчу возраженіямъ, предъявляемымъ его теоріи.

Несомѣннно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чистѣйшимъ самообманомъ; въ этомъ косвенно признались уже сами дарвинисты. Такъ, когда увлеченіе дарвинизмомъ въ ученыхъ кругахъ стало ослабѣвать и германское Зоологическое Общество поручило Плате написать спеціальное сочиненіе въ защиту дарвинизма, этотъ ученый въ названномъ сочиненіи (появившемся въ 1900 г.) не затруднился высказать такое сужденіе: „Дарвинъ вообще не любилъ чисто логическихъ и теоретическихъ разсужденій, требующихъ возможно большей точности опредѣленія“ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая характеристика основателя теоріи ясно показываетъ, что защитники ея не ищутъ въ ней ни точности, ни опредѣленности. Очевидно, для нихъ, какъ и для автора теоріи, она представлялась просто своего рода, милымъ ихъ сердцу, миражемъ—не болѣе.

---

*) Въ англійскомъ подлинникѣ стоитъ вмѣсто слова „эволюція“ слово „измѣненіе“ (modification); но рѣчь здѣсь объ измѣненіи видовъ, что съ точки зрѣнія Дарвина и значитъ—эволюція живого міра.

Прискорбно, конечно, для христіанскаго міра, что въ XIX столѣтіи наука увлеклась такимъ миражемъ; но таковъ фактъ. И какъ грубъ этотъ самообманъ дарвинизма! Каждая страница „*Происхожденія видовъ*“ ярко свидѣтельствуетъ о томъ. Здѣсь можно ограничиться немногими примѣрами.

Вся эта книга (какъ и рядъ другихъ сочиненій Дарвина на ту же тему) написана съ совершенно опредѣленной цѣлью: убѣдить себя и другихъ, что въ живомъ мірѣ цѣлесообразность не есть слѣдствіе предустановленія, а что она создана естественнымъ отборомъ, дававшимъ направленіе случайно происходившимъ въ живыхъ существахъ измѣненіямъ. Создавая это свое ложное вѣроученіе, Дарвинъ, конечно, встрѣчалъ на каждомъ шагу факты, прямо противорѣчащіе его „теоріи“. Вотъ почему нисколько не удивительно, что на стр. 67 англійскаго текста*) его книги мы читаемъ:

„Мало можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стремленіе измѣняться въ одномъ и томъ же направленіи часто было столь сильно, что всѣ особи одного и того же вида измѣнялись одинаково безъ какого бы то ни было отбора“.

Высказавъ такое опредѣленное заключеніе, стоящее, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ дарвинизма, основатель этого ученія спѣшитъ здѣсь успокоиться, что и въ такихъ случаяхъ борьба за существованіе будто бы вступала въ свои права и вызывала естественный отборъ, причемъ сохранялись лишь тѣ измѣненія, которыя оказались въ этой борьбѣ полезными для ихъ обладателей. Могло ли бы, однако, такое соображеніе успокоить дѣйствительнаго (безпристрастнаго) искателя истины? Вѣдь весь смыслъ дарвинизма заключается въ утвержденіи, будто бы измѣненія живыхъ существъ случайны и сами по себѣ никакого направленія не имѣютъ (что направленіе даетъ имъ отборъ), а между тѣмъ основатель дарвинизма здѣсь самъ признаетъ, что измѣненія эти могутъ идти въ опредѣленномъ направленіи и „безъ какого бы то ни было отбора“, т. е., самъ опять таки

*) Origin of species (49 thous.), London, 1897).

отрицаетъ всеобъемлющее, по отношенію къ живому міру, значеніе отбора.

Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣла основатель дарвинизма, поддерживая свое ложное въ основѣ ученіе, долженъ былъ постоянно прибѣгать къ ложнымъ доказательствамъ.

Отрицая предустановленный планъ творенія живого міра и закрывая глаза на то, что одновременное существованіе высшихъ и низшихъ живыхъ формъ есть явленіе неизбѣжное и въ тоже время, какъ само собой понятно, стоящее въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ объ эволюціи путемъ естественнаго отбора, Дарвинъ пытается убѣдить себя и другихъ, что на самомъ дѣлѣ такого противорѣчія вовсе нѣтъ.

Какъ легко себѣ представить, попытка эта Дарвину не удается, и онъ, съ одной стороны, только еще лишній разъ опровергаетъ основное положеніе своей собственной теоріи, съ другой—приводитъ въ доказательство истинности этой теоріи такія фактическія соображенія, ложность которыхъ самоочевидна.

Что касается перваго, т. е. безсознательнаго отреченія отъ основного положенія своей теоріи, то отреченіе это ясно, какъ видно изъ слѣдующаго. На стр. 289 англійскаго текста „*Просхожденія видовъ*“ (гл. XI) Дарвинъ говоритъ: „Когда достигнутъ уже извѣстный пунктъ, нѣтъ необходимости, съ точки зрѣнія теоріи естественнаго отбора, чтобы повышеніе шло дальше“, и этимъ признаетъ, конечно, что даже съ его точки зрѣнія естественный отборъ не можетъ поднять организаціи живыхъ формъ, разъ онѣ достигли каждая своего предѣла эволюціи.

Конечно, основатель дарвинизма и самъ не могъ не понимать, что, высказывая такую точку зрѣнія, онъ въ дѣйствительности опровергаетъ основное положеніе своей теоріи—будто бы естественный отборъ былъ руководящимъ началомъ эволюціи. И что же? Въ полное противорѣчіе съ тѣмъ, что говорится въ приведенной нами сейчасъ цитатѣ, Дарвинъ въ другихъ мѣстахъ своей книги пытается разъяснить читателю, какъ при

наличности естественнаго отбора, управляющаго эволюціей, могло случиться, что рядомъ съ живыми существами высокой организаціи процвѣтаютъ живыя существа гораздо болѣе низкой организаціи. Безпристрастный читатель приходитъ при этомъ невольно въ изумленіе. Дарвинъ, утверждающій, что съ точки зрѣнія теоріи естественнаго отбора нѣтъ необходимости, чтобы форма, достигшая извѣстной высоты организаціи, подпималась выше, въ то же время стремится увѣрить читателя, что формы, оставшіяся на низшей степени организаціи, остановились на ней, потому что по тѣмъ или другимъ причинамъ не подверглись должному состязанію, т. е. не подпали во всей мѣрѣ дѣйствію естественнаго отбора. Вотъ какъ велика сила самообмана, въ который добровольно погрузился основатель дарвинизма! Не удивительно, что частные примѣры обманчивой защиты Дарвиномъ своего ученія невольно заставляютъ поставить вопросъ: какъ можно было такъ ненаучно разсуждать въ XIX вѣкѣ, въ книгѣ, которая претендовала реформировать всю біологію? Впрочемъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы дали уже выше, а въ подтвержденіе справедливости этого отвѣта приведемъ здѣсь слѣдующій частный примѣръ.

Въ IV гл. своей книги „*Происхожденіе видовъ*“ Дарвинъ, останавливаясь подробно на вопросѣ, почему, несмотря на повсемѣстное дѣйствіе естественнаго отбора, одновременно существуютъ и высшія, и низшія формы, дѣлаетъ попытку разъяснить въ частности, почему одновременно существуетъ на землѣ и такой низкій классъ позвоночныхъ животныхъ, какъ рыбы, и такой, высоко стоящій, какъ млекопитающія. На стр. 92 названной книги читаемъ:

„Хотя организація вообще подвинулась и еще подвигается во всемъ мірѣ, однако же степени совершенства будутъ всегда различны, такъ какъ высокая организація цѣлыхъ классовъ или отдѣльныхъ представителей этихъ классовъ не должна влечь за собою истребленіе тѣхъ группъ, съ которыми они не приходятъ въ близкое состязаніе“ Далѣе основатель дарвинизма говоритъ буквально: „млекопитающія и рыбы едва ли входятъ между собою въ состязаніе.....“

Такое утвержденіе само по себѣ есть образчикъ той

грубой неправды, которую Дарвинъ позволяетъ себѣ на каждомъ шагу, защищая свое ученіе. Повторяемъ, если основатель дарвинизма себѣ это позволяетъ, то, конечно, только потому, что былъ увѣренъ въ снисходительности читателей, въ ихъ готовности простить автору антихристіанской теоріи всякое прегрѣшеніе противъ науки. Такъ и въ данномъ примѣрѣ Дарвинъ идетъ прямо противъ азбучныхъ данныхъ зоологіи: если онъ сомнѣвается уже въ томъ, сталкиваются-ли на аренѣ жизни потребности рыбъ и млекопитающихъ, то что же тогда вообще соотвѣтствуетъ, съ точки зрѣнія дарвинизма, понятію „состязаніе между отдѣльными живыми формами и различными группами ихъ"? Кто же не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что живущія въ водѣ млекопитающія являются истребителями рыбъ, а акулы (между рыбами) являются страшными врагами тѣхъ же млекопитающихъ, и что даже такіе гиганты, какъ киты, могутъ поплатиться жизнью при встрѣчѣ съ мечъ-рыбой. *). Съ другой стороны, хищныя рыбы и живущія въ водѣ хищныя млекопитающія (тюлени, дельфины и проч.) сплошь и рядомъ преслѣдуютъ одну и ту же добычу: рыбъ, слизняковъ, ракообразныхъ и являются такимъ образомъ въ полной мѣрѣ жестокими конкуррентами, съ точки зрѣнія того же дарвинизма.

Повторяемъ, основателю этой теоріи, отстаивая ее, приходится идти даже противъ азбучныхъ научныхъ данныхъ. Причемъ онъ нигдѣ не можетъ воздержаться отъ самопротиворѣчій. Такъ и во взятомъ нами примѣрѣ читатель находитъ (стр. 93) такое дальнѣйшее объясненіе тому факту, почему съ точки зрѣнія теоріи естественнаго отбора водныя млекопитающія, какъ существа высшей организаціи, не вытѣснили съ арены жизни ниже ихъ организованныхъ рыбъ; а именно,— произошло это будто бы потому, что млекопитающія, будучи теплокровными, не могли вступать въ дѣятельное состязаніе съ рыбами (иначе говоря, проигрывали въ борьбѣ за существованіе), такъ какъ должны были безпрестанно подыматься на поверхность воды для

*) Эта рыба, принадлежащая къ отряду костистыхъ рыбъ, рѣдко достигаетъ 2 саж. въ длину, но легко можетъ причинить смерть киту, вонзивъ въ его брюхо свое мощное рыло.

дышанія воздухомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что борьба за существованіе доставила въ свое время предкамъ млекопитающихъ (по теоріи Дарвина млекопитающія и рыбы, какъ и всѣ остальныя позвоночныя, имѣли общихъ предковъ) ту выгоду, что они приспособились къ безпрестанному высовыванью изъ воды и этимъ путемъ пріобрѣли способность воздушнаго дыханія, стали теплокровными животными, дошли до высшей организаціи; но та же борьба за существованіе доставила обратно предкамъ нынѣшнихъ рыбъ ту выгоду, что они не пріобрѣли способности безпрестанно высовываться изъ воды, не пріобрѣли способности воздушнаго дыханія, остались рыбами, существами низшей организаціи, не терпящими жизненной опасности отъ млекопитающихъ, обладающихъ болѣе высокой, но, по выраженію того же Дарвина, „хрупкой" организаціей, которая не годилась бы для болѣе низшихъ формъ!

Правда, мы могли бы при этомъ напомнить Дарвину, прибѣгающему, въ случаѣ нужды, къ столь удивительному, какъ видимъ, ученому языку, ту азбучную истину, что особое устройство кровеносной системы даетъ воднымъ млекопитающимъ возможность безъ всякой опасности для ихъ жизни оставаться подолгу подъ водой и уходить въ нее на значительную глубину. Впрочемъ, всякій споръ съ дарвинизмомъ о томъ или другомъ жизненномъ преимуществѣ однѣхъ формъ передъ другими совершенно безцѣленъ. Вѣдь извѣстно, что, хотя Дарвинъ и основалъ свое ученіе на признаніи руководящимъ началомъ эволюціи естественнаго отбора въ результатѣ борьбы за жизнь,—въ которой выигрываютъ всѣ формы, случайно пріобрѣтшія полезныя имъ въ этой борьбѣ измѣненія,—тѣмъ не менѣе онъ самъ же утверждалъ (въ гл. III своей книги), что „едва-ли хоть въ какомъ нибудь случаѣ могли бы мы съ точностью сказать, какимъ путемъ одна форма побѣдила другую въ великой борьбѣ за жизнь"

Приведенныхъ выше примѣровъ, какъ намъ кажется, достаточно, чтобы видѣть, что весь дарвинизмъ есть чистая софистика, и что къ тому же теорія эта на каждомъ шагу идетъ въ разрѣзъ съ точно установленными научными данными. Весьма понятно, слѣдо-

вательно, что дарвинизмъ пріобрѣлъ свою шумную славу и его основатель былъ провозглашенъ великимъ реформаторомъ біологіи не за дѣйствительныя достоинства теоріи, а за ту цѣль, которая теоріей преслѣдовалась. Не удивительно, что дехристіанизованные круги преклонялись предъ Дарвиномъ, какъ передъ кумиромъ.

Другимъ такимъ кумиромъ нашего времени для дехристіанизированныхъ круговъ явился гр. Л. Толстой, провозглашенный ими также, словно въ насмѣшку, поборникомъ правды!

Но гр. Л. Толстой использовалъ для своей антихристіанской проповѣди уже и свои беллетристическія произведенія (въ частности свой знаменитый романъ-хронику „*Война и миръ*“)—объ этомъ я имѣлъ случай высказаться въ печати. *). Къ величайшему стыду современной западно-европейской и нашей интеллигенціи нужно отмѣтить,—чѣмъ явственнѣй проявлялъ гр. Л. Толстой свое антихристіанство, тѣмъ болѣе росла его шумная слава, какъ писателя. Даже и нынѣ, послѣ того, какъ престарѣлый писатель опубликовалъ цѣлый рядъ нелѣпѣйшихъ и полныхъ лжи сочиненій, въ родѣ очерка „*Въ чемъ моя вѣра*“ и брошюры „*Ученіе Христа, изложенное для дѣтей*“, все еще нѣтъ недостатка въ людяхъ, самихъ по себѣ хорошо настроенныхъ, которые готовы видѣть въ гр. Л. Толстомъ искателя правды.

Несомнѣнно, ему, открытому врагу христіанства, хотя и выступающему подъ флагомъ будто бы только врага Церкви, посчастливилось еще больше, чѣмъ Дарвину, въ дѣлѣ пріобрѣтенія поклонниковъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что знаменитый беллетристъ высказываетъ въ сочиненіяхъ, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, самыя абсурдныя сужденія, безъ всякаго стѣсненія. Пожалуй, можно было бы въ виду этого подумать, что разборомъ этихъ писаній гр. Л. Толстого не стоитъ и заниматься. Однако же, съ нашей точки зрѣнія, это не такъ. Вѣдь нужно помнить, что и самъ авторъ этихъ писаній, и прославляющіе его поклонники находятся, съ нашей, христіанской, точки зрѣнія, въ состо-

*) „Моск. Вѣд.“ 1910 г., № 64—66.

яніи тяжкаго самообмана. Вотъ почему какими нелѣпыми, сами по себѣ, ни представлялись бы намъ сужденія гр. Л. Толстого *объ ученіи Христа* въ его церковномъ, т. е. общепризнанномъ, толкованіи, мы не должны проходить эти сужденія горделивымъ молчаніемъ Обличать лжетолкованіе Евангелія—долгъ всякаго христіанина, какими бы слабыми ни казались ему его собственныя силы. *).

Какъ извѣстно, гр. Л. Толстой не только отрицаетъ истинность церковнаго толкованія Евангелія, но позволяетъ себѣ прямо отрицать это толкованіе. На стр. 126 своего сочиненія „Въ чемъ моя вѣра" **) онъ, со свойственной ему распущенностью языка, заявляетъ: „Церковь потрудилась растолковать намъ ученіе Христа такъ, что оно представляется не ученіемъ, а пугаломъ", а на слѣдующей страницѣ того же сочиненія даетъ настолько волю своему злословію, что называетъ церковное толкованіе Евангелія „коварнымъ обманомъ" На стр. 45 гр. Л. Толстой обвиняетъ самого І. Златоуста въ томъ, что по отношенію вопроса о правѣ государственнаго суда, Церковь, слѣдуя толкованію этого великаго учителя, „отрицаетъ повелѣніе Сына, т. е. Христа, котораго ученіе будто-бы исповѣдуетъ". Здѣсь же гр. Л. Толстой, очевидно упоенный прославленіемъ сочувствующей ему дехристіанизированной толпы, забывая подобающую всякому, хоть сколько нибудь уравновѣшенному человѣку, скромность, заявляетъ:

„Такъ вотъ отчего послѣ 1800 лѣтъ со мной случилась такая странная вещь, что мнѣ пришлось открывать смыслъ ученія, какъ что-то новое"

Поистинѣ обезумѣвшій писатель идетъ и дальше: на стр. 141 онъ объявляетъ Св. Апостола Павла пропо-

---

*) Пишущій эти строки убѣжденъ въ томъ, что проповѣдь гр. Л. Толстого, какъ бы ничтожна сама по себѣ ни была, требуетъ уже въ виду ея неискренности самаго энергичнаго отпора не только со стороны лицъ съ спеціально богословскимъ образованіемъ, но и со стороны всякаго, жаждущаго правды.

**) Изд. 1884 годъ. Дальнѣйшія цитаты приведены изъ того же изданія.

вѣдникомъ „чуждой Христу метафизическо-кабалистической теоріи" *).

Вотъ здѣсь и возникаетъ самъ собою вопросъ: съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло—только съ достойнымъ смѣха невѣжествомъ, или еще съ чѣмъ-то инымъ?

Съ нашей точки зрѣнія вопросъ этотъ рѣшается весьма просто: столь по сердцу пришедшееся дехристіанизованнымъ кругамъ проповѣдь гр. Л. Толстого есть прямой самообманъ, внушенный желаніемъ успокоить свою совѣсть ложной вѣрой въ то, будто мы, люди, не подлежимъ суду въ загробной жизни за содѣянное нами на землѣ. Вотъ истинный источникъ ученія о „непротивленіи злу."

На стр. 150 гр. Л. Толстой говоритъ, что видитъ спасеніе въ вѣрующихъ въ ученіе Христа не по церковному, вѣрующихъ „если не во все ученіе, то хоть въ малую часть его".

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ числу такихъ людей, отъ которыхъ человѣчество должно будто-бы ожидать своего спасенія, и которые вѣрятъ, если не во все ученіе Христа, „то хоть въ малую часть его", авторъ сочиненія *„Въ чемъ моя вѣра" относитъ и самого себя.*

Въ чемъ же именно заключается эта вѣра? Совершенно опредѣленный отвѣтъ на это находимъ мы на стр. 31, гдѣ авторъ этого сочиненія высказываетъ убѣжденіе, что все существо ученія Христа сводится къ тому, „чтобы откинуть несвойственное (?) человѣческой природѣ мечтательное ученіе людей о противленіи злу", т. е., прибавимъ отъ себя, къ утвержденію будто бы того самообмана, которому предался гр. Л. Толстой, самообмана, сводящагося къ малодушной мечтѣ о ненаказуемости зла, и—таковъ самъ собою вытекающій выводъ—о неотвѣтственности людей передъ Богомъ за содѣянное на землѣ.

Весь смыслъ толкованія гр. Л. Толстымъ Евангелія къ тому и сводится, чтобы буквальнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія создать ложное представ-

*) Чью атеистическую теорію проповѣдуетъ здѣсь гр. Л. Толстой, столь мало самостоятельный въ мышленіи вообще,—нѣтъ интереса доискиваться. Самъ гр. Л. Толстой интересуетъ насъ здѣсь только, какъ вѣрное отраженіе ходячихъ воззрѣній дехристіанизованной толпы, не болѣе.

леніе о томъ, что Христосъ запретилъ всякое осужденіе, и—убѣдить, что церковное (т. е. общепризнанное) толкованіе тѣхъ мѣстъ Евангелія, гдѣ мы находимъ прямое указаніе на предстоящій намъ по нашемъ личномъ воскресеніи судъ за содѣянное на землѣ, будто бы не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Казалось бы, какъ ясно говорятъ намъ объ ожидающемъ насъ Божьемъ Судѣ слова Самого Спасителя міра:

„Пріидетъ Сынъ Человѣческій въ славѣ Отца Своего съ Ангелами Своими и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“ (Матѳ. 16, 27).

Нѣтъ искренне вѣрующаго христіанина, который могъ бы не понимать, что слова эти возвѣщаютъ не что иное, какъ то, что въ будущей нашей жизни насъ ожидаетъ праведный судъ, и что содѣявшіе въ земной жизни зло должны опасаться на этомъ судѣ праведнаго гнѣва Божьяго. И вотъ гр. Л. Толстой пытается убѣдить себя и другихъ, что это не такъ. Не останавливаясь даже передъ прямымъ порицаніемъ церкви и признаваемыхъ ею святыхъ, *) въ противность тому, что очевидно для всякаго знакомаго съ текстомъ Евангелія, и только платя дань самообману, гр. Л. Толстой силится доказать, будто Христосъ запретилъ Своимъ ученіемъ всякій гнѣвъ и никогда не говорилъ о Своемъ личномъ воскресеніи.

Какъ ни чудовищно нелѣпа сама по себѣ попытка подыскать здѣсь какія нибудь доказательства, она необходима гр. Л. Толстому для поддержанія его самообмана: вѣдь если бы дѣйствительно Христосъ проповѣдывалъ непротивленіе злу на землѣ и запрещалъ государственный судъ, то этимъ Онъ какъ бы обѣщалъ, что насъ въ будущей жизни не ждетъ и Божій Судъ; если бы Христосъ дѣйствительно запретилъ всякій гнѣвъ на землѣ, Онъ этимъ какъ бы обѣщалъ намъ свободу отъ Божьяго гнѣва; если бы Хри-

---

*) Было уже указано на кощунственную оцѣнку гр. Л. Толстымъ не только св. І. Златоуста, но и самого св. апостола Павла. Не будучи и здѣсь хоть сколь-нибудь оригинальнымъ, прославленный писатель, по примѣру Л. Блана и др. позволяетъ себѣ прямое издѣвательство надъ подвигомъ монашества, далеко превосходя ихъ впрочемъ, грубостью выраженій.

стосъ дѣйствительно не говорилъ о Своемъ личномъ воскресенiи, то мы, христiане, не имѣли бы основанiя вѣрить въ наше личное воскресенiе, послѣ котораго насъ ожидаетъ Божiй Судъ.

Посмотримъ же на „доказательства“ гр. Л. Толстого и посмотримъ, конечно, не съ цѣлью критики— сама по себѣ она, конечно, здѣсь совершенно излишня,—а съ цѣлью еще разъ убѣдиться въ томъ, на какую грубую неправду долженъ неизбѣжно идти всякiй тотъ, кто поддается самообману.

Гр. Л. Толстой утверждаетъ, что къ своему крайнему удивленiю онъ спустя 18 вѣковъ открылъ, наконецъ, ключъ истиннаго пониманiя ученiя Христа. По разъясненiю прославленнаго писателя, открытiе его состоитъ въ томъ, что слова Христа: „Азъ же глаголю вамъ: не противитеся“ (Матѳ. 5, 39) нужно понимать буквально. На стр. 7 гр. Л. Толстой заявляетъ прямо, что слова эти стали для него „ключемъ всего“

Современный софистъ не захотѣлъ здѣсь вспомнить, что Христосъ всегда съ гнѣвомъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ именно за то, что они прикрывали свои грѣховныя дѣянiя только буквальнымъ исполненiемъ части велѣнiй закона. Гр. Л. Толстой не хочетъ видѣть, что слова Христа: „Вожди слѣпые, оцѣживающiе комара, а верблюда поглощающiе“ (Матѳ. 23, 24), обращенныя къ книжникамъ и фарисеямъ, обращены вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всякому, буквальнымъ пониманiемъ произвольно избранныхъ мѣстъ Евангелiя прикрывающему свое нерадѣнiе въ исполненiи того, что требуется самымъ духомъ ученiя Христа. Такимъ „оцѣживанiемъ комара“ и занимается гр. Л. Толстой, поучающiй дехристiанизованные интеллигентные круги съ словаремъ въ рукахъ.

Истинный христiанинъ никогда не пойдетъ по пути такого фарисейскаго буквоѣдства. Обратно тому, что утверждаетъ гр. Л. Толстой, обвиняющiй Церковь въ невѣрномъ будто бы толкованiи Евангелiя, истинный христiанинъ исповѣдуетъ, что Христосъ начерталъ Своимъ ученiемъ идеалъ, къ осуществленiю котораго долженъ стремиться всякiй, смиренно памятуя, однако, о слабости своихъ силъ. Для кого изъ истинныхъ христiанъ не ясно само собой, что буквальное

пониманіе отдѣльныхъ мѣстъ Евангелія въ ущербъ духу всего ученія Христа ведетъ неизбѣжно къ лжеученію? Христосъ говоритъ: „И такъ будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный“ (Матѳ. 5, 48); Онъ говоритъ этимъ только: стремитесь къ усовершенствованію вашего духа въ полной мѣрѣ дарованныхъ вамъ силъ. Кто, кромѣ лжеучителя и лицемѣра, могъ бы здѣсь сказать, что Спаситель требуетъ отъ насъ достиженія совершенства, доступнаго Самому Отцу Небесному?

Христосъ не только съ гнѣвомъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ за то, что они ограничивались буквальнымъ исполненіемъ части закона; Онъ вразумлялъ и Своихъ учениковъ не давать буквальнаго толкованія Его поученіямъ. Такъ, когда, услышавъ слова Спасителя: „И еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе“, ученики спросили: „такъ кто же можетъ спастись?“ Христосъ сказалъ: „Человѣкамъ это невозможно, Богу же возможно“

Изъ этихъ словъ Спасителя ученики должны были понять, что Христосъ не говорилъ вовсе о буквальной невозможности для богатаго войти въ Царствіе Божіе, а лишь о чрезвычайной трудности этого. Сказавъ, что невозможное здѣсь человѣку возможно Богу, Христосъ научилъ сознающихъ свою грѣховность богатыхъ, что Самъ Господь опредѣлитъ на предстоящемъ судѣ, что сдѣлано ими должнаго изъ того, что въ соотвѣтствіи съ условіями ихъ жизни могли они сдѣлать—насколько богатые, въ соотвѣтствіе дарованнаго имъ, были на стражѣ стремленія осуществить идеалъ, начертанный ученіемъ Христа.

Казалось бы, все это само собой понятно и—никакому фарисейскому буквоѣдству въ душѣ истиннаго христіанина не должно было бы быть мѣста; но именно на этомъ-то буквоѣдствѣ и основано все ученіе гр. Л. Толстого о непротивленіи злу, всѣ его разсужденія о томъ, будто Христосъ запретилъ государственный судъ, запретилъ всякую строгость, всякій гнѣвъ.

Гр. Л. Толстой увѣряетъ (стр. 17), что „сердце и здравый смыслъ“ подсказали ему, что Христосъ своимъ ученіемъ запрещаетъ „судить ближнихъ своими

человѣческими учрежденіями“ Только самообманъ сердца и ума престарѣлаго писателя не далъ ему уразумѣть, что онъ здѣсь подошелъ къ ученію Христа съ тѣмъ же побужденіемъ, съ которымъ подходили къ Спасителю книжники и фарисеи, пытавшіеся убѣдить себя и другихъ въ томъ, что будто бы исполненіе законовъ, утвержденныхъ государствомъ, и жизнь по ученію Христа несовмѣстимы. Вооружившись двумя-тремя словарями и пытаясь съ помощью такихъ „ученыхъ“ средствъ доказать невѣрность перевода нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія и вытекающую отсюда невѣрность будто бы церковную, т. е. общепризнаннаго, толкованія его, гр. Л. Толстой не хочетъ видѣть, что повторяетъ лишь поступокъ фарисеевъ, подославшихъ своихъ учениковъ искусить Самого Спасителя вопросомъ: „дозволительно давать подать кесарю или нѣтъ?“ Если бы гр. Л. Толстой не предался добровольно самообману, то и для него, гр. Толстого, какъ и для всякаго христіанина, было бы ясно, что въ этомъ коварномъ вопросѣ фарисеевъ именно и скрывалось желаніе показать, будто-бы ученіемъ Христа можно оправдать малодушное само по себѣ стремленіе къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ государствомъ. Отвѣтъ Христа: „Что искушаете Меня, лицемѣры?“ (Матѳ. 22, 16); „Итакъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богови“ (Матѳ. 22, 21)—относился, конечно, не только къ современнымъ Ему искусителямъ, но и къ современнымъ искусителямъ Его послѣдователей.

Намъ нѣтъ, конечно, никакой нужды, уже въ виду сейчасъ сказаннаго, останавливаться на разборѣ филологическихъ упражненій гр. Л. Толстого, съ помощью которыхъ онъ пытается доказать невѣрность церковнаго толкованія Евангелія и въ противность этому толкованію даетъ свое, будто бы истинное, сводящееся въ концѣ концовъ къ тому, что будто бы, согласно ученію Христа, всякій земной судья, назначающій наказаніе убійцѣ, дезертиру и т. д., преступенъ. Нелѣпость этого утвержденія самоочевидна, и, повторяемъ, останавливаться далѣе на этомъ нѣтъ никакой нужды.

Какъ враги Христа, книжники и фарисеи были безсильны въ своихъ попыткахъ искусить Его, и всегда

сами обличали себя, такъ обличаетъ себя на каждомъ шагу и гр. Л. Толстой.

Конечно, изъ страха карающаго гнѣва Божьяго—не по какой другой причинѣ—гр. Л. Толстой стремится доказать, что церковное толкованіе Евангелія будто бы несправедливо утверждаетъ, что Христосъ запретилъ только *напрасный* гнѣвъ. Престарѣлый писатель впадаетъ здѣсь даже въ искусственный паѳосъ и восклицаетъ (стр. 49): „Христосъ не могъ сказать и не сказалъ этого ужаснаго слова"

Несомнѣнно, что въ этомъ восклицаніи ничего кромѣ крайняго лицемѣрія видѣть нельзя. Всякій, дѣйствительно знакомый съ Евангеліемъ, очень хорошо знаетъ, что Самъ Христосъ проявлялъ гнѣвъ предъ лицомъ Своихъ учениковъ и народа. Съ гнѣвомъ обличалъ Онъ и фарисеевъ, которымъ говорилъ:

Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру; сіе надлежитъ дѣлать и не оставлять" (Матѳ. 23, 23).

Евангелисты повѣствуютъ намъ не только о негодованіи Христа на Своихъ учениковъ за ихъ маловѣріе, но и за ихъ необдуманные поступки:

„Приносили къ Нему дѣтей, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ; ученики же не допускали приносящихъ.

„Увидѣвъ то, Іисусъ вознегодовалъ и сказалъ имъ: пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе" (Марк. 10, 13—14).

Пусть гр. Л. Толстой, дерзнувшій исказить св. Евангеліе въ своей богохульной книжкѣ *„Ученіе Христа, изложенное для дѣтей"*, твердо помнитъ эти слова Христа и не усыпляетъ своей совѣсти, основанной на буквоѣдствѣ теоріей „непротивленія злу"

Что утвержденіе о необходимости буквальнаго пониманія отдѣльныхъ текстовъ Евангелія у гр. Л. Толстого вовсе не искренно (вызывается у него лишь желаніемъ затмить истинный смыслъ ученія Христа), доказывается уже тѣмъ, что тамъ, гдѣ это ему нужно въ цѣляхъ его антихристіанской проповѣди, онъ не только не придерживается строго буквы евангельскаго текста, но предлагаетъ своимъ читателямъ

такое толкованіе дѣяній Спасителя, которое, мало того, что противорѣчитъ повѣствованію Его учениковъ, но къ тому же еще идетъ прямо въ разрѣзъ съ свидѣтельствомъ Самого Христа.

„И собрали и наполнили 12 коробовъ кусками отъ пяти ячменныхъ хлѣбовъ, оставшихся у тѣхъ, которые ѣли“,—повѣствуетъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ (6, 13).

Другой Евангелистъ повѣствуетъ, что сердца учениковъ Христа были еще окаменены и ученики не вразумились чудомъ насыщенія 5 хлѣбами 5 тысячъ человѣкъ (Маркъ. 6, 52).

И вотъ, несмотря на эти прямыя и ясныя указанія, гр. Л. Толстой тужится опровергнуть даже самый фактъ совершеннаго Христомъ чуда насыщенія большого числа людей малымъ количествомъ пищи и придумываетъ „естественное“ объясненіе того, что каждый христіанинъ не можетъ не считать дѣйствительнымъ чудомъ, совершеннымъ Спасителемъ для вразумленія окаменѣлыхъ сердецъ. Вотъ это „естественное“ объясненіе, предлагаемое на стр. 133 читателямъ, предпочитающимъ вѣрить не словамъ Господа нашего Іисуса Христа, а всякимъ вздорнымъ измышленіямъ кощунствующаго писателя: „Надо было накормить тысячи людей. Ученикъ Христа сказалъ Ему, что видѣлъ у одного человѣка нѣсколько рыбъ; у учениковъ тоже было нѣсколько хлѣбовъ. Іисусъ понялъ, что у людей, пришедшихъ издалека, у нѣкоторыхъ есть съ собой пища, а у нѣкоторыхъ нѣтъ. (То, что у многихъ были съ собой запасы, доказываетъ уже то, что во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ сказано, что по окончаніи ѣды остатки собраны были въ 12 корзинъ. Если бы ни у кого, кромѣ, какъ у мальчика, ничего не было, то и не могло бы быть 12 корзинъ въ полѣ)“

Убожество придуманнаго „естественнаго“ объясненія гр. Л. Толстого поразительно. *). Въ противо-

*) Впрочемъ, пишущему эти строки довелось однажды и въ Германіи прослушать глубокомыслящую лекцію, на которой свободномыслящій профессоръ (поклонникъ Беккеля) поучалъ свою аудиторію, что если бы Богъ былъ дѣйствительно всемогущъ, какъ это признаетъ Церковь,

положность словамъ Самого Христа и повѣствованію евангелистовъ, гр. Л. Толстой выставляетъ свое соображеніе, что пищи въ запасѣ, вѣроятно, было зостаточно, такъ какъ будто бы иначе нельзя было бы объяснить, откуда появилось 12 коробовъ, въ которыхъ собраны остатки. Современный софистъ дѣлаетъ видъ, что не можетъ догадаться о томъ, что хоть пищи оставалось мало, но опустошенные короба могли быть и у учениковъ Христа, и у слѣдовавшаго за Нимъ народа.

Убожество мысли гр. Л. Толстого при толкованіи имъ Евангелія доходитъ до своего крайняго предѣла, когда престарѣлый писатель пытается доказать (все, конечно, въ виду дорогого для его, сбитой съ толку, души самообмана), что въ Евангеліи нѣтъ ясныхъ указаній на то, что Христосъ предсказалъ Свое воскресеніе и предстоящее всѣмъ намъ личное воскресеніе.

На стр. 91 читаемъ: „...какъ ни странно это сказать про Христа, который лично воскресъ и обѣщалъ всѣхъ воскресить, никогда Христосъ не только ни однимъ словомъ не утверждалъ личное воскресеніе и безсмертіе личности за гробомъ, но и тому возстановленію мертвыхъ въ царствѣ Мессіи, которое основали фарисеи, придавалъ значеніе, исключающее представленіе о личномъ воскресеніи“ Затѣмъ. какъ бы забывъ начало сейчасъ приведенной собственной фразы, гр. Л. Толстой говоритъ далѣе (стр. 93): „Если, какъ учатъ богословы, основа вѣры Христовой въ томъ, что Христосъ воскресъ, то казалось бы меньшее, что можно желать, это то, чтобы Христосъ, зная, что Онъ воскреснетъ и что въ этомъ будетъ состоять главный догматъ вѣры въ Него, хотя бы одинъ разъ опредѣленно и ясно сказалъ бы это. Но Онъ не только не сказалъ этого опредѣленно и ясно, но ни разу, ни одного разу по всѣмъ каноническимъ Евангеліямъ даже не упомянулъ объ этомъ“

Высказавъ такой вопіющій вздоръ, гр. Л. Толстой, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ: книжни-

---

то онъ долженъ былъ бы создать и второго человѣка, какъ перваго, а не такъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Библія. Очевидно и въ З. Европѣ еще не умеръ типъ Гоголевскаго судьи, своимъ умомъ дошедшаго до „естественнаго“ объясненія сотворенія міра.

ковъ и фарисеевъ, начинаетъ заниматься буквоѣдствомъ и обнаруживаетъ при этомъ одновременно—по своему замѣчательныя—и „ученость“ и „правдивость“.

Гр. Л. Толстой не можетъ, конечно, не знать, что въ греческомъ текстѣ Евангелія слово „воскреснуть *(анистимі)* выражено то съ прибавленіемъ словъ „изъ мертвыхъ“ *(ек. некрон)*, то безъ этого прибавленія. Несмотря на это, очевидно, разсчитывая на недостаточную освѣдомленность своихъ читателей, какъ въ Евангеліи, такъ и въ греческомъ языкѣ, гр. Л. Толстой беретъ на себя роль филолога и не затруднеятся утверждать, что въ существующихъ будто бы только 14 мѣстахъ каноническихъ Евангелій, гдѣ по церковному толкованію повѣствуется о воскресеніи Христа, слово „воскреснуть“ выражено греческимъ глаголомъ „*анистимі*“ безъ прибавленія словъ „*ек. некрон*“, и что слѣдовательно мѣста эти должны быть понимаемы иначе. На стр. 94 гр. Л. Толстой перечисляетъ всѣ названныя 14 мѣстъ; причемъ приводитъ, между прочимъ, ст. 23 гл. 17 Евангелія отъ Матѳея и ст. 31, гл. 9 Евангелія отъ Марка; но не приводитъ ст. 9 тѣхъ же главъ названныхъ евангелистовъ.

Очень хорошо характеризуетъ и напускную ученость, и правдивость гр. Л. Толстого, какъ его общее замѣчаніе относительно перевода греческаго слова „*анистимі*“, такъ и сейчасъ указанный пропускъ.

Относительно перваго замѣтимъ: любой словарь научитъ насъ, что названное слово имѣетъ не только значеніе „возстановить“, какъ это утверждаетъ гр. Л. Толстой, но—и „поднять“, а въ переносномъ значеніи—„поднять отъ сна“, „поднять изъ мертвыхъ“.

Что же касается пропуска гр. Л. Толстымъ—въ числѣ другихъ мѣстъ Евангелія, говорящихъ о воскресеніи Христа—ст. 9 гл. 17 Евангелія отъ Матѳея и ст. 9 гл. 9 Евангелія отъ Марка, то укажемъ, что русскій переводъ этого стиха:

„Когда же сходили они съ горы, Онъ не велѣлъ никому разсказывать о томъ, что видѣли, доколѣ Сынъ Человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ“, — представляется вполнѣ точнымъ, ибо въ греческомъ переводѣ Евангелія отъ Матѳея (которое, какъ извѣстно, было первоначально написано на еврейскомъ языкѣ)

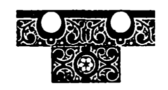
и въ греческомъ подлинникѣ Евангелія отъ Марка стоятъ именно слова „*ек. некрон*“ (изъ мертвыхъ), прибавленіе которыхъ гр. Л. Толстой считаетъ въ данномъ случаѣ необходимымъ. Всякому слѣдовательно станетъ ясно, какое значеніе имѣетъ для „правдиваго“ гр. Л. Толстого пропустить стихъ 9 главъ 17 и 9 названныхъ евангелистовъ въ числѣ тѣхъ мѣстъ Евангелія, гдѣ говорится о воскресеніи Христа.

Намъ нечего болѣе останавливаться на этомъ пунктѣ, да полагаемъ, что и вообще можно покончить на этомъ съ разоблаченіемъ того самообмана, въ который погруженъ богохульствующій писатель и въ который онъ стремится вовлечь другихъ.

Въ заключеніе всего здѣсь сказаннаго повторимъ: въ лицѣ Дарвина и гр. Л. Толстого мы видимъ яркихъ представителей современной, по существу, въ массѣ дехристіанизованной интеллигенціи. Неудивительно, что оба они: одинъ въ наукѣ, другой въ искусствѣ, были такъ превознесены тѣми же широкими кругами. Слава дарвинизма уже померкла на нашихъ глазахъ. Несомнѣнно меркнетъ и слава проповѣдника „непротивленія злу“ Будемъ однако помнить: много предстоитъ еще труда въ дѣлѣ очистки нивы просвѣщенія отъ плевелъ, возросшихъ, благодаря двумъ названнымъ сѣятелямъ, которые—это необходимо имѣть въ виду—вовсе не были начинателями, а лишь продолжали своею проповѣдью давно начатое въ наукѣ и искусствѣ дѣло богоотступничества.

А. Тихомировъ.

Царское Село.



Вепринскіе турки.

Случилось это на самый Покровъ, въ 1877 году, въ годъ послѣдней войны съ турками.

На 1-ое октября въ починкѣ Зайцевѣ, затерявшемся въ глухомъ углу одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, съ ранняго утра царило необычайное оживленіе.

Чуть ли не все взрослое населеніе его десяти дворовъ—мужики, бабы, дѣвки и парни—собирались въ село Вепри, гдѣ былъ престолъ и ярмарка. Шли и ѣхали туда всѣ, кому было на кого бросить хозяйство и дѣтвору, и въ селеніи должны были остаться только дѣти, старики и старухи, которымъ уже не подъ силу было бражничать у Праздника, да и тѣ пять-шесть одинокихъ женщинъ, которымъ волей-неволей приходилось домовничать.

Жители Зайцевскаго починка не были прихожанами къ Покрову, однако всѣхъ ихъ тянуло къ Празднику, и у каждаго нашлось тамъ дѣло.

Кому хотѣлось помолиться въ новомъ вепринскомъ храмѣ, кому продать что или купить для хозяйства, кому просто погостить у родныхъ и попробовать вепринскаго хмельнаго пива, а главное — всѣмъ хотѣлось потолкаться по базару, послушать, что народъ баитъ, посидѣть въ трактирѣ, почайничать и разузнать что-нибудь новенькое изъ перваго и вѣрнѣйшаго источника всѣхъ вѣстей, какимъ считался вепринскій трактирщикъ Фролъ Васильевъ, получавшій вѣдомости изъ самаго Питера.

Какъ ни глухо было въ деревушкѣ, какъ ни темны были ея обыватели, готовые, что называется, чуть не пнямъ Богу молиться, а все-же и до нихъ доносились далекіе отзвуки пушекъ, гремѣвшихъ за Балканами, и ихъ волновали неясные слухи о турецкихъ звѣрствахъ и войнѣ, и каждому хотѣлось узнать, что тамъ взаправду дѣется.

До села Вепри изъ Зайцева казалось „рукой подать“ Такъ ясно вырисовывалась на горизонтѣ его колокольня, такъ ярко блестѣли кресты и бѣлѣла ограда расположеннаго на высокомъ берегу погоста.

Однако до села только казалось близко. Прежде чѣмъ до него добраться, приходилось миновать не одно селеніе: первымъ была Барабаниха, затѣмъ путь лежалъ черезъ Дороватку, Залучье, Левино, Сергино и другіе починки, разбросанные по долинѣ рѣки Вепринки, дѣлавшей многочисленные причудливые повороты, такъ что до села набиралось пути добрыхъ шесть-семь верстъ.

Въ это утро въ Зайцевѣ всѣ поднялись до зари: бабы спѣшили убраться по дому и принарядиться; мужики собирали упряжь, выводили лошадей, выкатывали тарантасики и телѣги и выносили, что припасли, на продажу. Одинъ тащилъ мѣшокъ ржи или овса, другой укладывалъ на возъ теленка или навивалъ льняной кудели.

Хозяинъ второго двора съ краю, Михайла, ладившій продать своего Савраску, лѣнивую и немного опоенную лошаденку, еще съ вечера особенно тщательно вычистилъ ее, и теперь, ведя на водопой къ стоявшему среди селенья колодцу, умышленно горячилъ поводьями, Савраска нетерпѣливо дергалъ головой и фыркалъ.

— Тпру, тпррру-у, милый! Тпру! Чего балуешь!— покрикивалъ то и дѣло Михайла, дѣлая видъ, что сдерживаетъ своего мерина, надѣясь этой маленькой хитростью сбить съ толку своихъ односельцевъ и немного поднять передъ ярмаркой довольно жалкую репутацію своего Савраски.

Михайла былъ мужикъ тонкій, и недаромъ народъ говорилъ, что туману напустить или глаза отвести

онъ былъ первый мастеръ въ околоткѣ. Даже въ волостной и у трактирщика Фрола, Михайлѣ, не въ примѣръ прочимъ, оказывалась особая честь, такъ какъ зналъ мужикъ, какъ себя повести съ хорошими людьми и какъ имъ уважить.

Михайлина хозяйка—Матрена—была ему далеко не пара: хорошая работница, но простоватая и невзрачная, она совсѣмъ не умѣла себя держать на людяхъ.— „Какъ есть халда“—думалъ про нее часто мужъ и не любилъ брать ее туда, гдѣ нужна была политика. Онъ и сейчасъ хотѣлъ ѣхать съ кумомъ, а жену оставить дома. А Матренѣ страсть была охота ѣхать съ мужемъ, и досада ее брала, когда она думала, что Ѳекла да Дарья ѣдутъ же. Положимъ, у Ѳеклы свекровь остается домовничать, у Дарьи—золовка, дѣвка-вѣковуша, Домнушка, да вѣдь и ей бы можно попросить бабушку Николавну присмотрѣть за домомъ, ѣздила же она лѣтось. Да ни въ жисть не сговоришь съ упрямымъ мужикомъ. Пытала она было уговаривать, да онъ понесъ такое.... что ничего не поняла баба, только заробѣла.

— То, говоритъ, лѣтось было, а нонѣ дѣло иное, нонѣ, говоритъ, военное положеніе, сама, небось, слышала: турки дѣтей рѣжутъ, съ васъ, бабъ, шкуры дерутъ, а то и хуже, что дѣлаютъ. Нонѣ, говоритъ, сумнительно хозяйство оставлять. Сиди, говоритъ, лучше дома, да гляди въ оба.

— Выдумалъ тоже какое-то военное положеніе... Чай, съ кумомъ хочетъ на селѣ попьянствовать въ волю,—подумала баба, а все-же боязно ей стало:—кто его знаетъ, мужикъ онъ дошлый, а ея дѣло женское,— може, и впрямь турки-то...—и она сдалась и осталась.

А рядомъ Дарья снарядилась по праздничному, сдала хозяйство Домнушкѣ и уже пустилась по веринской дорогѣ.

Въ крайнемъ дворѣ Василій Маларевъ, красивый бѣлокурый мужикъ, лѣтъ тридцати пяти, тоже собирался съ женой въ село. Молодуха нарядная, въ черной суконной свиткѣ, повязанная красной съ цвѣтами шалью поверхъ золотого повойника, взобралась уже въ крашеный плетеный тарантасикъ и важно усѣлась рядомъ съ мужемъ.

Имъ можно было оставить домъ и спокойно погулять на селѣ: бабушка Николаевна, ихъ дальняя родня, присмотритъ за хозяйствомъ и за двѣнадцатилѣтнимъ сынишкой Василья отъ первой жены, калѣкой Васей,—вѣдь старушка въ мальчикѣ души не чаетъ.

Скоро, кто пѣшій, кто на коняхъ, всѣ отправились по дорогѣ въ Барабаниху, и на улицѣ остались старики да дѣтвора, глазѣвшіе на отъѣзжающихъ. Оставшіяся хозяйки разбрелись по домамъ и принялись за обычное дѣло, котораго и въ праздникъ найдется довольно, особенно, когда приходится хлопотать за двоихъ. Улица опустѣла, и только вечеромъ, убравшись со скотиной, собрались кое-кто изъ бабъ и стариковъ на заваленку къ старостихиной избѣ, но скоро, несмотря на зипуны и кожухи, наброшенные на плечи, холодный вѣтеръ разогналъ всѣхъ по домамъ.

Уже смеркалось. Матрена вздула огонь, засвѣтила лучину и собрала поужинать только что вернувшимся съ улицы дѣтямъ. Два мальца, одинъ восьми, другой семи лѣтъ, и дѣвченка—четырехъ, набѣгавшись вдоволь и озябнувъ на улицѣ, съ удовольствіемъ уплетали праздничные пироги и простоквашу, поставленные на столъ матерью, и весело болтали.

— Мамка, а мамка!—лепетала дѣвчонка.—Тятька пряникъ привезетъ?

— Привезетъ, Аннушка, привезетъ,—какъ-бы нехотя отвѣчала Матрена.

— Вотъ тятька продастъ Савраску, жеребчика купитъ,—говоритъ старшій мальчикъ,—хо-о-рошаго жеребчика, гнѣдого, съ такой курчавой мохнатой гривой, какъ у Маларевыхъ.

— Небось нѣтъ!—возражаетъ другой малышъ,—безпремѣнно купитъ рыжаго, съ бѣлой звѣздочкой на лбу!

— Анъ, врешь, гнѣдого! Самъ надысь говорилъ гнѣдого.

— Рыжаго!

— Нѣтъ, гнѣдого, гнѣдого!

— Цыцъ, нишкните!—уняла ихъ мать, и дѣтская болтовня затихла.

Матренѣ не до нихъ: ей не даютъ покоя слова Михайлы „смотри въ оба“ Дѣвчонку она скоро уложила спать, а ребятишки сами забрались на печь и скоро притихли.

Скучно и боязно Матренѣ; на дворѣ гудитъ вѣтеръ, а въ избѣ даже сверчокъ за печкой и тотъ не поетъ; несвязныя думы лѣзутъ ей въ голову. Выдвинула она изъ-подъ лавки сундучокъ съ мужниными рубахами и другимъ добромъ, стала разбирать, а сама мѣняетъ лучину за лучиной, поддерживая огонь въ свѣтцѣ. „Турки, военное положеніе“, вспоминаются ей слова Михайлы. „И гдѣ онъ ихъ видѣлъ-то? А страшные они, эти турки, вотъ намедни Васютка Маларевъ въ грамоткѣ прочиталъ: черномазые, пишутъ, они, злющіе, христіанъ страсть не любятъ, шкуры съ нихъ дерутъ и все огнемъ палятъ...“.

Въ сѣняхъ что-то загудѣло, и вѣтеръ съ силою рванулъ ставни. Баба вздрогнула.—Съ нами крестная сила—прошептала она, творя крестное знаменіе...— А ну, какъ и впрямь придутъ!—и сердце ея упало. Въ это время на улицѣ послышались мѣрные шаги нѣсколькихъ паръ человѣческихъ ногъ, сначала въ отдаленіи, потомъ ближе, ближе, и наконецъ звуки шаговъ и какое-то позвякиваніе раздались у самаго окна Матрениной избы. Баба насторожилась. Кто-то слабо постучалъ. Взглянувъ въ окно, Матрена со свѣту увидѣла очертанія какихъ-то черныхъ, лохматыхъ лицъ и еще больше оробѣла.

Стукъ повторился сильнѣе.

— Кто тамъ?—дрожащимъ отъ страха голосомъ окликнула баба.

— Хозяева, а, хозяева! Пустите ночевать!—послышалось съ улицы.

Но Матрена уже не была въ состояніи понимать ихъ рѣчь, ей слышался лишь гулъ грубыхъ незнакомыхъ голосовъ, и она еще разъ крикнула испуганнымъ нервнымъ голосомъ:

— Да кто вы, чьи вы такіе?

— Турки, турки мы!—послышался не то насмѣшливый, не то сердитый отвѣтъ.

— А-а-хъ!—вскрикнула не своимъ голосомъ Матрена,—ба-а-тюшки-и-и!

Она шарахнулась вглубь избы, растерянно оглянулась вокругъ, замерла на секунду, а потомъ, схвативъ на руки дѣвчонку, совершенно обезумѣвъ отъ страха, съ крикомъ „турки, турки, помогите!“ бросилась въ сѣни. Мальчики, перепуганные, съ ревомъ бросились за ней. Рванувшись къ ребенку, Матрена уронила свѣтецъ и догоравшей лучиной подожгла старую ватную кофту, въ которую была завернута дѣвочка. Изъ сѣней, помимо лѣстницы, она махнула черезъ край площадки прямо на дворъ и бросилась съ ребенкомъ и дымящейся кофтой къ задворкамъ сосѣдняго двора. Не находя съ перепугу калитки, она съ удесятеренной страхомъ силой оторвала одну изъ перекладинъ забора и бросилась напроломъ, но жердь, отогнутая ея рукой, сейчасъ же сдала назадъ, прищемила ее за ногу, и Матрена еще отчаяннѣе взвыла отъ боли и страха, вообразивъ, что ее схватили уже желѣзныя руки гонящихся за ней турокъ. А въ это время отъ зароненной ею искры вспыхнула сзади на дворѣ солома и освѣтила двухъ перелѣзающихъ черезъ изгородь малышей.

На сосѣднемъ дворѣ распахнулась дверь чернаго крыльца, и выскочившая Домна обомлѣла отъ ужаса передъ зрѣлищемъ, которое ей представилось.

Растерянная, съ ревущимъ ребенкомъ на рукахъ, близъ изгороди билась Матрена, испуская страшные
Спасите! О-о-о!“
крики: „Батюшки! Помогите! Турки, турки рѣжутъ!

А сзади, на фонѣ огненныхъ языковъ, копошились какія-то черныя существа и ревѣла скотина.

— Турки, турки,—завопила Домна и въ свою очередь ринулась къ задворкамъ.

Поднялся отчаянный лай собакъ. Изъ остальныхъ домовъ починка показались головы другихъ женщинъ и стариковъ и сейчасъ же попрятались, увидавъ на улицѣ какія-то черныя фигуры, не то съ ружьями, не то съ другими какими-то орудіями. А по всему порядку, сзади дворовъ, уже неслась Домниха съ дикими криками: „Турки, турки! рѣжутъ, батюшки-и-и! спасите! У-у-у!“

Не прошло и десяти минутъ, какъ почти всѣ оставшіеся въ селеніи выбрались за деревню къ оврагу,

ведущему къ лѣсу. Нѣкоторые успѣли даже вывести скотъ и лошадей. А на деревнѣ продолжали слышаться дикіе крики Матрены, оставшихся дѣтей и лай собакъ, а надо всѣмъ—ревъ забытаго на одномъ изъ дворовъ быка, ревъ, который обезумѣвшіе бѣглецы принимали за крики нападающихъ турокъ.

Трясущіяся отъ страха бабы и старики рѣшили немедленно послать въ село за мужиками, а пока пробираться далѣе въ лѣсъ.

Ѣхать въ село вызвалась Домниха. Вскочивъ на одну изъ неосѣдланныхъ лошадей, она простоволосая съ растрепанной косой, съ окровавленными какимъ-то случаемъ руками и лицомъ, пустилась вскачь къ Барабанихѣ.

Не прошло и получаса, какъ и тамъ забили набатъ. Жители бросились въ сосѣдній лѣсъ, а стоявшая въ сторонѣ рига вспыхнула отъ брошенной кѣмъ-то со страха трубки.

Домниха скакала дальше къ Дороваткѣ, а съ ней еще другая наѣздница изъ Барабанихи и обѣ, еще болѣе напуганныя и увѣренныя въ турецкомъ нашествіи, проѣзжая попутныя селенія вопили:

— Турки! Турки сожгли Зайцево! Сейчасъ въ Барабанихѣ! Спасайтесь, милые, спасайтесь!

И вездѣ подымали онѣ на ноги все наличное населеніе, къ нимъ присоединялись новые гонцы, и всѣ неслись дальше къ селу, а за ними по пятамъ гнались звуки набата и еще болѣе подогрѣвали ихъ рвеніе.

Въ селѣ Вепри праздничный день прошелъ обычнымъ порядкомъ. Обѣдня отошла съ должнымъ благолѣпіемъ. Къ хору учениковъ мѣстнаго училища, какъ и всегда, присоединились и нѣсколько взрослыхъ любителей пѣнія и пріѣзжихъ церковнослужителей и могучими и звонкими, если не вполнѣ гармоническими, аккордами закончили многолѣтіе. Храмъ не могъ вмѣстить богомольцевъ, кстати базаръ и во время службы привлекалъ вниманіе тысячной толпы прибывшихъ изъ разныхъ селъ и деревень крестьянъ.

Послѣ обѣдни торговля закипѣла съ новой силой; между возовъ и около палатокъ пріѣзжихъ торговцевъ

часа три гудѣлъ народъ. Скоро продавцы расторговались, а довольные покупатели, стащивъ на воза свои покупки, понемногу стали расходиться по домамъ вепринскихъ домохозяевъ и въ трактиръ, гдѣ Фролъ Васильевъ, тучный, съ лоснящимся лицомъ, окаймленнымъ сѣдѣющими кудрями, любезно привѣтствовалъ своихъ гостей.

Все шло обычнымъ порядкомъ. За день начинались кое-гдѣ одна — двѣ драки, но зачинщиковъ благоразумно свели выспаться въ холодную и все обошлось вполнѣ мирно. Дѣло уже было къ ночи.

У настоятеля, о. Павла, и у дьякона гости веселились цѣлый день и къ вечеру сильно поутомили хозяевъ. Въ домахъ обывателей хозяева тоже уже честью выпроваживали или укладывали спать загулявшихъ гостей. Но въ трактирѣ, который горѣлъ яркими огнями, еще шумѣлъ и гудѣлъ народъ. Волостной писарь и сотскій, спокойные за общественный порядокъ и тоже порядочно подвыпившіе, пробирались изъ дому въ особое дворянское помѣщеніе того же гостепріимнаго Фрола Васильева, надѣясь окончить тамъ безъ помѣхи начатую ими несвязную бесѣду о политикѣ. Все, однимъ словомъ, шло обычнымъ путемъ и предвѣщало благополучное и мирное окончаніе ярмарки и престольнаго праздника, когда неожиданно при въѣздѣ въ село послышались дикіе крики и топотъ скачущихъ верхами людей.

— Турки! Турки рѣжутъ, жгутъ! Батюшки, милые!—вопила несущаяся вскачь толпа женщинъ и подростковъ, во главѣ съ Домнихой. А сама Домниха съ замараннымъ кровью лицомъ, растрепанными волосами, неслась къ трактиру.

На дикіе ихъ вопли, побросавъ недопитыя чашки и стаканы, высыпала къ нимъ навстрѣчу толпа народу.

— Что? Гдѣ? Что случилось?—сыпались вопросы...

— Зайцево сожгли! Барабаниху грабятъ, рѣжутъ, батюшки!...—вопила изступленная Домниха.

— Турки! Турки, батюшки!.. Турки идутъ на Веприи, бабъ, дѣтей рѣжутъ, — голосятъ другіе.

— Да говорите вы толкомъ, черти окаянные!—начальническимъ тономъ возглашаетъ сотскій, самъ ошеломленный и неспособный разобраться въ мысляхъ.

Наконецъ одинъ изъ подростковъ деревни Дороватки разсказалъ, какъ было дѣло: прискакала къ намъ Домниха, говоритъ, въ Зайцевѣ турки починокъ сожгли; самъ онъ видѣлъ, какъ онъ горѣлъ.

Потомъ вспыхнула Барабаниха, забили тамъ въ набатъ, да вотъ посмотрите и послушайте сами,—закончилъ онъ свою рѣчь, показывая на лежащія внизу селенія.

И дѣйствительно, по всей долинѣ рѣки Вепринки неслись звуки набата, слышался отдаленный вой. Въ двухъ мѣстахъ по направленію Зайцева и Барабанихи пылало зарево пожара. Дѣло было очевидно: турки хозяйничали въ волости.

Не прошло и нѣскольких минутъ, какъ по всему селу понеслись дикіе крики, изъ домовъ повыскакивали гости и бросались къ лошадямъ; шумъ и гамъ поднялись невообразимые...

Писарь и сотскій поспѣшили въ волостное правленіе, позвали старшину, послали за о. Павломъ. Староста и десятскіе сами прибѣжали. Пришли и многіе изъ сельчанъ, кто побойчѣе. Старшина съ всклокоченными волосами и бородой вышелъ изъ боковой дворянской, гдѣ очевидно спалъ. Отецъ Павелъ пришелъ тоже съ соннымъ, недовольнымъ лицомъ. У всѣхъ крѣпкое вепринское пиво туманило голову, лишая ихъ бодрости, необходимой въ такую важную для села Вепри минуту. Одинъ лишь діаконъ, здоровый малый съ лѣсомъ курчавыхъ волосъ на головѣ, съ какими-то казацкими ухватками, съ блестѣвшими глазами, видимо былъ на высотѣ историческаго момента и готовъ былъ проявить необходимую предпріимчивость.

Какіе турки, откуда они взялись, никто не могъ понять, да и хмель мѣшалъ вникнуть въ вопросъ по существу. Но факты говорили сами за себя: слышался несмолкаемый набатъ сосѣднихъ селеній, вспыхивало и разстилалось по небу зарево двухъ пожаровъ, а на улицѣ толпился и гудѣлъ народъ вокругъ очевидцевъ нападенія турокъ—надо было дѣйствовать.

— Чтожъ, господа, здѣсь не починокъ,—заговорилъ діаконъ,—людей въ селѣ много, мы басурманамъ отпоръ дадимъ, постоимъ за вѣру христіанскую, по-

кажемъ туркамъ, каковы-такіе рускіе люди. Надо народъ собрать на погостъ, пусть вооружится, кто чѣмъ можетъ. Въ оврагъ за селомъ послать слѣдуетъ засаду. Время терять нечего,—говорилъ онъ, яростно поводя бѣлками черныхъ глазъ.

— Помфилычъ, — скомандовалъ онъ пришедшему въ правленіе церковному сторожу,—айда на колокольню! Звони въ колоколъ, сзывай православныхъ! А тебѣ, Василій Кузьмичъ, извѣстіе бы дать въ городъ, пускай подкрѣпленіе присылаютъ,—обратился онъ къ сотскому.

Тотъ и самъ смекнулъ, что ему дѣлать тутъ нечего, а благоразумнѣе поспѣшить лично донести начальству; роль же полководца — пока предоставить діакону.

Скоро, при заунывномъ звонѣ колокола, разносившемся на десятки верстъ по всей округѣ, около церкви стали собираться наиболѣе храбрые изъ жителей села съ топорами, вилами, баграми, косами, и толпа росла, гудѣла и становилась внушительнѣе и внушительнѣе...

Турки? Да гдѣ они? Сколько ихъ?—ворчалъ въ это время Фролъ Васильевъ, стоя за прилавкомъ своего опустѣвшаго заведенія.—Такъ, можетъ быть, горсточка какая изъ плѣнныхъ, что-ли, забралась въ починокъ. Такъ съ такимъ дѣломъ долженъ бы справиться господинъ старшина, а не то что все село баламутить—говорилъ онъ, досадуя на то, что трактиръ такъ рано опустѣлъ и столько крестьянскихъ денегъ. вырученныхъ отъ продажи разнаго деревенскаго добра, такъ и уйдутъ у него между пальцевъ, назадъ, въ починки и нескоро ихъ опять добудешь изъ завѣтныхъ хоронушекъ домовитыхъ хозяекъ.

А сотскій несся уже по дорогѣ къ городу съ извѣстіями объ опасности, грозящей вепринской волости. Ночь была лунная, конь у сотскаго добрый, и не больше какъ въ часъ времени онъ проскакалъ тѣ пятнадцать верстъ, которыя отдѣляли село Веприи отъ уѣзднаго города. Жители уже давно спали, когда въ деревянный городокъ въѣхалъ сотскій и, позвякивая подковами, двинулся по главной улицѣ, окаймленной досчатыми тротуарами, по направленію къ присутственнымъ мѣстамъ.

Вездѣ было темно, свѣтились лишь окна городского клуба. — Не здѣсь ли его высокоблагородіе? — подумалъ сотскій, зная издавна привычки начальства. И дѣйствительно, уѣздный исправникъ, тучный мужчина лѣтъ сорока пяти, съ синѣющимъ носомъ, сидѣлъ еще тамъ со своимъ другомъ засѣдателемъ и, сильно подвыпивши, тянулъ съ нимъ нескончаемую бесѣду, къ большой досадѣ сонныхъ служителей и буфетчика Егора.

— Нѣтъ, ты слушай. Ты вникни въ мое положеніе,—убѣждалъ исправникъ своего компаньона—говоритъ это она мнѣ: „загубилъ ты“, говоритъ, „мою молодость, шла я за тебя; думала, ты въ люди выйдешь, переведутъ тебя въ большой городъ, увижу я жизнь человѣческую и вдругъ... десять лѣтъ въ такой трущобѣ“.—Самъ понимаю—женщина она воспитанья тонкаго, папенька ея въ интендантствѣ служилъ, ну и могъ, значитъ, дѣтей своихъ ко всякой д ликатности и благородствѣ въ жизни пріучить—ну, тамъ знаешь: выѣзды, пріемы, концерты, балы. Натурально, какое же она послѣ этого можетъ здѣсь имѣть удовольствіе. Вотъ и пилитъ меня изо-дня въ день: зачѣмъ, да почему въ губернію не переводятъ. А какое же, самъ ты посуди, можетъ быть ко мнѣ вниманіе начальства, когда отъ меня только и слышно—„все обстоитъ благополучно“—только всего. А чего здѣшнему мужичью дѣлается? повинности изъ года въ годъ платятъ исправно, даже конокрадства и того мало. Понимаешь ты: обстоитъ все благополучно и баста. Ты тутъ хоть тресни, а она ко мнѣ съ жалобами, да съ попреками и опять: „зачѣмъ, да почему?“. Душу всю выворотила, ну, натурально, я и выпью. „Пьяница!“ она говоритъ.— Неправда. Какой же я пьяница? Не таюсь: выпить я люблю, даже здорово выпить, но я дѣло помню и за престолъ-отечество готовъ на стѣну лѣзть, а вотъ случая, случая нѣтъ....

— Кому вы говорите, Миронъ Васильевичъ!—запротестовалъ наконецъ засѣдатель, удрученный такимъ длиннымъ монологомъ—нешто я этого не знаю. Самъ я....

— Ахъ, не перебивай меня, не перебивай! ты мнѣ вѣчно рѣчь перебьешь, слова сказать не дашь... Ахъ,

не могу я, не могу болѣе переносить... этого „благополучія“

„А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!“

продекламировалъ исправникъ, надувшись, путающимся языкомъ, слова поэта.

— Знаешь, я просто готовъ... я чортъ знаетъ на что готовъ, я, я, я, го-ттовъ... и голова Мирона Васильевича стала клониться къ столу.

Но любителю бурь не было суждено успокоиться такъ скоро!

— Ваше высокоблагородіе—доложилъ появившійся въ дверяхъ вѣстовой,—сотскій изъ села Вепри прибылъ и безпремѣнно проситъ васъ видѣть. Говоритъ, въ вепринской волости неблагополучно...

— Что? Какъ неблагополучно! Гдѣ?—закричалъ исправникъ, быстро оживляясь и приходя сразу въ восторженное настроеніе.—Я имъ задамъ, мерзавцамъ! Зови, зови его скорѣй!

Сотскій весь блѣдный, разбитый отъ усталости и покрытый пылью, предсталъ предъ лицо начальника.

— Ваше высокоблагородіе—рапортуетъ онъ,—сего числа въ вечеру въ деревнѣ Зайцево объявились турки, войско ихъ, значитъ... какъ мужики были уѣхамши на ярманку, турки безъ всякаго препятствія селеніе заняли, дома пожгли, а надъ бабами и дѣтьми, слышь, надругались. Изъ Зайцева войско ихъ перешло въ Барабаниху, а теперь идетъ на Вепри, убивая народъ по починкамъ. Жители села хотятъ отпоръ дать, укрѣпляются на погостѣ, а ваше высокоблагородіе просятъ помощь прислать. Вся волость замутилась, вездѣ набатъ бьютъ, пожары горятъ, а народъ въ лѣса хоронится.

— Кой чортъ? Подожди, что ты мелешь? Турки, какіе турки? Откуда ты ихъ взялъ? Кто ихъ видѣлъ? Сколько ихъ? — засыпалъ сотскаго вопросами начальникъ.

— Около полуночи, ваше высокоблагородіе, въ село прискакали изъ деревень Барабанихи и Зайцево люди, сами видѣли врага. еле живые отъ страху, все разсказали, а сколько ихъ окаянныхъ, объяснить не могли.

— Турки... Турки!—Такъ вотъ оно что! Такъ, значитъ, судьба посылаетъ мнѣ... турокъ. Не ожидалъ! Однако турки, такъ турки... Ивановъ! — кричитъ исправникъ вѣстовому,—посылай за лошадьми, четверку въ коляску и четырехъ городовыхъ верхами.. Василій Лукичъ!—Бѣги, братъ, къ воинскому, проси скорѣй ко мнѣ. Егоръ! Бумаги и чернильницу и скорѣе содовой бутылку! Надо донести начальству... И Миронъ Васильевичъ, потирая лобъ и стараясь освѣжить голову стаканомъ шипучей воды, принялся за составленіе телеграммы въ губернію: „Честь имѣю донести, что въ предѣлахъ уѣзда появились турки,—писалъ онъ,—отрядъ непріятельской пѣхоты сжегъ сего числа селеніе Зайцево и Барабаниху Вепринской волости и предалъ звѣрскимъ мукамъ женщинъ и дѣтей. Идетъ на село Вепри. Выѣзжаю для организаціи обороны, прошу указаній и присылки войска"

Телеграмма немедленно была отправлена. Остатокъ ночи прошелъ въ переговорахъ съ воинскимъ начальникомъ, съ помощникомъ, полицейскимъ надзирателемъ и другими лицами и въ рядѣ безсвязныхъ распоряженій. Воинскій, тоже съ похмелья, ничего не могъ взять въ толкъ, ему со сна лѣзли все въ голову воспоминанія винта. Пасъ!—восклицалъ онъ съ просонья, въ отвѣтъ на стратегическія соображенія исправника.

Все наладилось къ выѣзду на мѣсто дѣйствій только къ утру. Было уже восемь часовъ, когда исправникъ, глотая наскоро чашку чая на дорогу, подъ вліяніемъ понемногу испарявшагося хмеля, впалъ въ невольное раздумье.

— Турки... да. Да откуда же они могли взяться, чортъ возьми?—думалъ онъ, и смущеніе понемногу начало закрадываться въ его душу.

Въ эту минуту ему подали телеграмму. Нервно разорвалъ онъ пакетъ, развернулъ и обомлѣлъ, глаза его непомѣрно расширились, готовые, казалось, выскочить, шея надулась и покраснѣла... Въ телеграммѣ изъ канцеляріи его превосходительства ясно и отчетливо стояло только одно слово изъ пяти буквъ, не считая твердаго знака...

— Подлинно „дуракъ“,—проговорила злобно смотрѣвшая ему черезъ плечо супруга, которая прочла написанное;—и откуда взялъ ты турокъ? Какіе турки въ нашемъ уѣздѣ! Не боишься ты Бога, старый пьяница, съ чѣмъ ты къ начальству суешься? Ахъ, пропала, пропала навсегда моя жизнь несчастная...

Карьера Мирона Васильевича дѣйствительно была, видимо, кончена.

Скоро кончились и треволненія вепринской волости. Все разъяснилось. Смѣху, смѣху по всѣмъ базарамъ уѣзда было столько, что не оберешься. Осталась только за вепринцами кличка. Ихъ и до сей поры въ сосѣднихъ селахъ и въ городѣ „вепринскими турками“ дразнятъ.

Среди всей этой массы невѣжественныхъ людей, такъ легко поддавшихся невольно пущенному хитрымъ Михайлой туману и охватившей всѣхъ „марѣ“, среди темныхъ бабъ, полупьяныхъ мужиковъ, загулявшаго сельскаго начальства и кончая одурѣвшимъ отъ вѣчной домашней пытки и алкоголя исправникомъ, только одинъ человѣкъ не поддался обману и притомъ на самомъ мѣстѣ происшествія, въ глухомъ зайцевскомъ починкѣ,—то былъ Васютка Маларевъ, калѣка-мальчикъ, сидѣвшій сиднемъ уже нѣсколько лѣтъ. Въ больницѣ, на невольномъ досугѣ, выучился онъ читать по разнымъ грамоткамъ и книжкамъ, которыя ему доставала Николаевна на свои трудовые гроши, набрался хотя немного знаній, и въ минуту общаго переполоха его маленькая головка работала ясно и вѣрно.

— Пустое это, бабушка! Перепугались бабы даромъ. Туркамъ къ намъ ни въ жисть не попасть. Отъ нашего Зайцева да до ихъ земли, можетъ, въ два мѣсяца на коняхъ не доскачешь. Это, вѣрно, какіе прохожіе, ты посмотри сама, бабуся!—сказалъ онъ разсудительно, когда и до нихъ донеслись неистовые крики Матрены: „Турки, турки!“.

Старушка, выйдя къ воротамъ, застала тамъ оробѣвшихъ отъ поднявшагося крика и гама четырехъ шерстобитовъ съ разными приспособленіями ихъ ремесла за плечами и позвала ихъ въ избу.

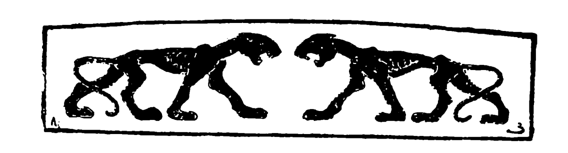
Эти невольные виновники переполоха первые принялись за борьбу съ разгорѣвшимся пожаромъ, и по-

слѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной работы имъ удалось отстоять селеніе, а вернувшіеся понемногу къ утру смущенные бѣглецы и совсѣмъ его потушили. Сгорѣла только рига во второмъ дворѣ, да копны двѣ соломы у Матрены.

Сама Матрена отдѣлалась большимъ испугомъ и послѣ этой встряски стала какъ-будто менѣе простоватой.

А Михайла все-же счастливо продалъ на ярмаркѣ своего Савраску, „втеревъ очки" заѣзжему покупателю. И въ починокъ, къ великой радости своихъ малышей, привелъ вороного жеребчика съ мохнатой гривой.

Александръ Акасаковъ.



ИСКУШЕНІЕ.

Разсказъ.

Было темно и сыро. Моросилъ дождь и свѣтлыя пятна фонарей съ трудомъ вырывали изъ тумана то кусокъ размалеванной вывѣски, то карнизъ непривѣтливаго, точно насупившагося, дома.

Холодный осенній вѣтеръ, неся съ собой цѣлую тучу дождевой пыли, промчался по улицѣ, хлопнулъ гдѣ-то ставней, закружилъ на перекресткѣ, распахнулъ полы кафтана у мирно дремавшаго на облучкѣ Ваньки и скрылся, простонавъ въ водосточной трубѣ. И снова такими же свѣтлыми пятнами тянется вдаль линія успокоившихся огней. Ванька проснулся. Вѣтеръ, забравшись подъ кафтанъ, холодными змѣйками пробѣжалъ у него по тѣлу, и безъ того сильно продрогшему. Захудалая лошаденка, тоже дремавшая, опустивъ морду и поджавъ облѣзлый хвостъ, зашевелилась и переступила на своихъ разбитыхъ ногахъ.

Было темно и сыро. Пустынная улица зіяла впереди безнадежной тоскливой ямой. Молчаливо и угрюмо глядѣли по сторонамъ темныя окна. Гулко разносился по городу шумъ какого-то неугомоннаго завода, да протяжно, жалобно, точно подстрѣленная, ревѣла на Невѣ сирена запоздалаго парохода.

Одинокому Ванькѣ стало скучно, даже жутко. Онъ заерзалъ на своемъ облучкѣ, пошевелилъ возжами и ткнулъ кнутовищемъ застоявшуюся меланхолически спокойную клячу.

— Ну-у, постылая!....

„Постылая“ обернулась, съ укоромъ посмотрѣла на своего хозяина, точно ставя ему на видъ безцѣль-

ность шатанія по улицамъ въ такую глухую пору, потомъ съ усиліемъ зашевелила ногами, и дребезжащая пролетка уныло поплелась по булыжной мостовой.

Ванька чувствовалъ себя отвратительно. Онъ прозябъ. Руки и ноги заледенѣли. Отъ долгаго сидѣнья на облучкѣ ныла спина. Хотѣлось сойти съ козелъ, пройтись, размять ноги, забраться въ свѣтлую, теплую комнату, гдѣ такъ привѣтливо шумитъ на столѣ мѣдный самоваръ. Но самоваръ шумѣлъ гдѣ-то далеко и для кого-то другого... Мало-ли счастливцевъ за каменными стѣнами высокихъ безмолвныхъ домовъ? А Ванькѣ, усталому, продрогшему, покорному судьбѣ, предстояло еще до утра таскаться по городу въ поискахъ за сѣдокомъ. Онъ крѣпче запахнулъ свой кафтанъ и предоставилъ лошаденкѣ идти куда глаза глядятъ.

— Извозчикъ, — сдержанно громко произнесъ кто-то у него надъ ухомъ.

Ванька встрепенулся, какъ ужаленный, и инстинктивно задергалъ возжами. Рядомъ съ нимъ, закутавшись въ непромокаемый резиновый плащъ, стоялъ какой-то высокій человѣкъ въ нахлобученной шляпѣ; за нимъ виднѣлась другая, столь-же неопредѣленная фигура.

— Въ Лейпцигскіе номера, четвертакъ,—тѣмъ-же сдержаннымъ тономъ повторилъ незнакомецъ. Онъ видимо торопился, и въ голосѣ у него звучала нетерпѣливая нотка.

— Пожалте.

Ванька откинулъ кожаный фартукъ, и обѣ фигуры живо юркнули въ пролетку. Ванька успѣлъ лишь осмотрѣть, что у второго была въ рукахъ большая и толстая холстяная сумка.

До Лейпцигскихъ номеровъ было недалеко. Ванька довольно постегивалъ свою клячу: этотъ четвертакъ округлялъ сегодняшнюю выручку до двухъ рублей.

— До трешки дотяну,—мелькнуло у него въ головѣ. „Трешка“—представляла собой мечту его ежедневныхъ стараній. Съ трешкой въ карманѣ онъ могъ спокойно ѣхать домой, не боясь ни попрековъ ни угрызеній совѣсти.

Сѣдоки угрюмо молчали. Только высокій изрѣдка поднималъ руку, тыкалъ Ваньку кулакомъ въ спину и сердито покрикивалъ:

— Живо, не покойника везешь!

И Ванька съ новымъ усердіемъ начиналъ дергать возжами, погоняя свою измученную, еле плетущуюся клячу.

Вотъ въѣхали въ знакомый полутемный переулокъ, и пролетка подкатила къ подъѣзду номеровъ. Сѣдоки выскочили на панель и, кинувъ извозчику четвертакъ, скрылись въ подъѣздѣ номеровъ.

Ванька рѣшилъ, что пришло время немного размять ноги. Онъ слѣзъ съ облучка, похлопалъ руками, обошелъ вокругъ своей пролетки и сталъ застегивать небрежно откинутый фартукъ. Лучъ сосѣдняго фонаря скользнулъ по сидѣнью, спустился ниже... Въ пролеткѣ внизу подъ фартукомъ что-то бѣлѣло.

Ванька протянулъ руку, вытащилъ два какихъ-то небольшихъ, аккуратно перевязанныхъ веревкой, свертка, и остолбенѣлъ: это были деньги, мало знакомыя ему ассигнаціи, на которыхъ ясно выдѣлялась цифра „50 рублей“

Два свертка 50-ти рублевыхъ ассигнацій... Это было цѣлое состояніе. Ванькѣ и не снились такія суммы. Бѣдный крестьянинъ, еле поддерживающій свое существованіе извозомъ, онъ и на одну 50-ти-рублевую ассигнацію смотрѣлъ, какъ на сладкую несбыточную мечту... И вдругъ такая прорва денегъ!

Ванька испытывалъ, главнымъ образомъ, страхъ. Деньги, случайно очутившіяся у него въ рукахъ, пугали его. И, еще не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, Ванька поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ подъѣздъ слѣдомъ за сѣдоками.

— Ты куда?—удивленно остановилъ его дремавшій на стулѣ швейцаръ, потягиваясь и не вставая съ своего мѣста.

— Гостей вамъ сейчасъ привезъ, такъ вотъ сверточекъ надо отдать, въ пролеткѣ забыли,—объяснилъ Ванька.

— Третій номеръ, сейчасъ по колидору, направо,—махнулъ рукой швейцаръ.

Ванька подошелъ къ указанной двери и постучалъ. Никто не отозвался.

Ванька подождалъ, потоптался на мѣстѣ и снова постучалъ. За дверью послышался сдержанный шепотъ, но и тотъ сейчасъ-же затихъ.

Онъ подождалъ еще и постучалъ въ третій разъ. Дверь внезапно пріоткрылась. Сквозь щель можно было увидать, что предъ Ванькой стоитъ высокій сѣдокъ, только что вышедшій изъ пролетки; поза его выражала напряженную готсвность захлопнуть дверь при малѣйшей опасности.

Фигура Ваньки его видимо нѣсколько успокоила.

— Чего тебѣ?—отрывисто спросилъ онъ нежданнаго гостя.

— Сверточекъ въ пролеткѣ забыть изволили,— и Ванька протянулъ ему найденныя ассигнаціи.

Высокій протянулъ руку, схватилъ деньги и въ ту-же секунду захлопнулъ дверь.

Ванька былъ пораженъ. Онъ постоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, но, видя, что за дверью попрежнему царитъ гробовое молчаніе, повернулся и пошелъ обратно къ своей пролеткѣ.

— Хоть-бы спасибо сказали, нехристи!

Ванька чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ неблагодарностью незнакомцевъ. Онъ взлѣзъ на облучекъ, ударилъ возжами лошаденку и снова поплелся по пустыннымъ, скользкимъ улицамъ, прислушиваясь къ звону капель въ водосточныхъ трубахъ и стараясь отогнать непріятное чувство.

— Деньги-то ихнія... Ну, и Богъ съ ними!

Все также проносился холодный вѣтеръ, обдавая тучами дождевой пыли, также глухо гудѣлъ вдали неугомонный заводъ.

Было темно и сыро.

***

Ванькѣ не повезло въ ту ночь. Ни одинъ сѣдокъ не попался, и онъ рѣшилъ возвратиться домой, не дожидаясь утра.

Сердитый и обезкураженный пріѣхалъ онъ домой, машинально распрягъ лошадь и продѣлалъ все то, что полагалось справить, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, а потомъ, лежа на нарахъ, долго ворочался и

не могъ уснуть. Его давило и выбивало изъ колеи чувство глубокой обиды—на что, онъ и самъ не могъ разобраться.

— И съ чего это я разошелся?—недоумѣвающе спрашивалъ онъ самъ себя.

— На сѣдоковъ злюсь, что на чай не дали? Ну, было-бы двугривеннымъ, скажемъ, полтинникомъ больше... Такъ не оттого-же душа болитъ...

А душа дѣйствительно болѣла. Ванька отчетливо сознавалъ всѣмъ своимъ существомъ, что сегодня произошло что-то такое, чего онъ себѣ простить не можетъ. Но что-же, что именно?

Пока онъ самъ не могъ въ этомъ разобраться.

Въ комнатѣ вѣчно темнаго подвала было душно. На нарахъ спало нѣсколько человѣкъ, и ихъ нестройный храпъ наполнялъ комнату волной мятущихся назойливыхъ звуковъ. Ночникъ-коптилка еле освѣщалъ одинъ уголъ. Какой-то настойчивый черный таракан неутомимо бродилъ по стѣнѣ вокругъ ночника.

— Господи, да что-же это?—съ тоской ворочался Ванька съ одного бока на другой.—Отчего я спокою себѣ найти не могу?

Онъ перебиралъ въ умѣ событія послѣдней ночи. Они сводились всѣ къ одному—къ находкѣ денегъ, и Ванька въ сотый разъ обсуждалъ самъ съ собой подробности этого необычнаго происшествія.

— Ну, нашелъ я чужія деньги,—мало-ли что случается. Чужое добро отдать надо. Грѣхъ чужое добро утаивать—не пойдетъ оно впрокъ... Если потерялъ человѣкъ деньги, такъ я радоваться долженъ, что нашелъ ихъ, отдалъ, несчастію помогъ...

Ванька не лукавилъ передъ самимъ собой. Онъ дѣйствительно былъ по природѣ глубоко честенъ и украсть, утаить чужое добро не могъ. Найдя чужія деньги, онъ всегда отдалъ-бы ихъ такъ же спокойно и весело, какъ сдѣлалъ онъ это въ Лейпцигскихъ номерахъ. Такъ повелѣвалъ ему мощный инстинктъ честности, заложенный въ тайникахъ души каждаго неиспорченнаго человѣка, и онъ былъ неспособенъ поступить иначе.

Но тутъ было какое-то постороннее, привходящее обстоятельство, которое сразу рушило все стройное и

ясное міросозерцаніе Ваньки, опровергало обычные, въ другихъ случаяхъ неопровержимые выводы: И Ванька ворочался съ боку на бокъ, стараясь понять, въ чемъ тутъ дѣло.

Храпъ не умолкалъ. Ночникъ все такъ же коптилъ, и тараканъ уже десятый разъ начиналъ свое путешествіе по стѣнѣ. Трещалъ сверчокъ, и нельзя было понять, съ какой стороны доносится его отрывистое монотонное пиликаніе.

— Да деньги-то чьи были?—вдругъ вскочилъ озаренный внезапной мыслью Ванька.—Деньги-то чьи? Ихнія?

Передъ нимъ промелькнули закутанныя фигуры сѣдоковъ, ихъ торопливыя движенія, сдержанно громкій говоръ. Вспомнилась во всѣхъ подробностяхъ сцена, когда онъ стоялъ, ничего не понимая, передъ захлопнутой дверью номера и злился на неблагодарность незнакомцевъ.

— Господи, да развѣ со своими деньгами поѣхалъ-бы кто нибудь ночью въ глухой переулокъ, въ грязные номера, пользующіеся къ тому же далеко не доброй славой? Да развѣ со своими деньгами такъ обращаются? Развѣ можно, получивъ обратно собственныя деньги, не побрагодарить хотя-бы того, кто ихъ нашелъ?!

Ванькѣ постепенно становилось все ясно. Сѣдоки везли ворованныя деньги. Онъ зналъ, что въ то время начали грабить не только одинокихъ путниковъ въ глухихъ мѣстахъ,—начали грабить банки, почту; все это онъ зналъ, и самъ въ душѣ побаивался „экспропріятелей", попадая въ незнакомыя мѣста. И вотъ экспропріятелямъ онъ и оказалъ услугу.... Это становилось для него все очевиднѣе и очевиднѣе.

— Потому-то и дверей не открывали,—соображалъ Ванька,—боялись, что накрыли ихъ... Эхъ, деньжищъ-то награбили! Ежели ненарокомъ, двѣ—три тысячи потеряли,—не замѣтили!

И жгучее невыносимое чувство обиды все больше и больше овладѣвало его душой. Злость на самого себя, на необычайныхъ сѣдоковъ, на все и вся щемила сердце, и распаленное воображеніе рисовало картины выпущеннаго счастія..

— Эхъ, кабы двѣ бумажки, двѣ бумажечки всего-на всего, съ каждаго свертка по одной вытащить, да себѣ оставить!

И Ванька начиналъ высчитывать, что онъ могъ-бы сдѣлать, имѣя такія деньги. Выходило, что у Ваньки оказалось-бы одно изъ лучшихъ хозяйствъ въ родной деревнѣ. И все это было такъ возможно, такъ близко, такъ достижимо. Вѣдь никому-бы отъ этого убытка не получилось: воры не замѣтили-бы, что двухъ свертковъ не хватаетъ, не то что двухъ бумажекъ...

— Простофиля, простофиля,—казалось, скрипѣлъ за печкой сверчокъ.

— Простофиля ты, Ванька, какъ есть простофиля,—выводили носами сосѣди по нарамъ.

— Простофиля, да и къ тому-же дуракъ,—подтверждалъ, шевеля усиками, тараканъ со стѣны.

А передъ глазами стояли, какъ искусители, два 50-ти-рублевые билета, такъ безразсудно отданные... ворамъ.

Ванька поднялся и сѣлъ. Къ глазамъ у него подступали слезы, сердце билось часто, въ ушахъ стоялъ какой-то непрерывный громкій и надоѣдливый звонъ.

Онъ всталъ, потянулся къ ковшу съ водой. Вода была теплая и противная. Храпъ переливался по-прежнему, и Ванькѣ стало не въ моготу переносить его Онъ вспомнилъ, что по сосѣдству есть темный чуланъ, куда никто не ходитъ. Тамъ хранилась запасная упряжь.

Ванька пробрался, осторожно шагая, чтобы не разбудить спящихъ, въ чуланъ и усѣлся въ темномъ углу. Здѣсь было прохладнѣе и спокойнѣе, но легче отъ этого не стало. Онъ сидѣлъ, сжавъ кулаки, кусая губы, готовый заплакать. Но слезы только подступали къ глазамъ, не показываясь и не принося облегченія.

— Двѣ-бы бумажки! Только двѣ-бы бумажечки! —лепетали его стиснутыя губы. А голова, тяжелая, какъ налитой расплавленнымъ свинцомъ шаръ, точно готова была разлѣзться по швамъ отъ боли.

Временами Ванька забывался тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ. Тогда у него передъ глазами вставало то укоряющее, изнеможенное лицо жены, ждущей не дождущейся помощи тамъ, въ деревнѣ, то недоумѣ-

вающія просительныя лица ребятишекъ, голодныхъ и тощихъ.

— Двѣ-бы бумажки! Двѣ-бы бумажечки!—механически повторяли запекшіяся губы, и рука судорожно хватала землю.

Нащупавъ, висѣвшія на стѣнѣ возжи, онъ началъ мять ихъ въ рукахъ, безсознательно стараясь физическимъ усиліемъ заглушить нравственную муку. Возжи были крѣпкія и не поддавались.

Вдругъ Ванька вскочилъ и въ ужасѣ прижался въ уголъ. Онъ внезапно понялъ, почему такъ неудержимо завязываютъ возжи петлей непослушныя руки, почему такъ ясно чувствуется, что вотъ близко здѣсь надъ головой вбитъ въ стѣну крѣпкій, надежный костыль....

Изъ темноты выплывало что-то отвратительно-неопредѣленное, черное, противное, и, помахивая двумя ассигнаціями, смѣялось и манило туда, къ стѣнкѣ, гдѣ такъ легко закинуть на гвоздь связанную петлей веревку...

Ванька замеръ весь дрожа на мѣстѣ. Руки его поднимались все выше и выше.... Вотъ стоитъ подняться на цыпочки...

Но послѣднимъ усиліемъ воли собравъ всѣ свои силы, Ванька вдругъ съ размаха кинулъ возжи въ уголъ чулана и опрометью кинулся вонъ....

***

На дворѣ было уже свѣтло. Дождикъ пересталъ, но по небу неслись разорванныя сѣрыя тучи. Одинокій колоколъ тоскливо и рѣдко бухалъ на сосѣдней колокольнѣ.

Ванька шелъ быстро, почти бѣжалъ. Его влекло что-то болѣе сильное, чѣмъ онъ самъ. Чья-то могучая рука направляла его куда-то впередъ. Куда? Онъ этого не понималъ, можетъ быть... Но когда впереди обрисовался силуэтъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, онъ, ни на минуту не задумываясь, вошелъ въ открытую дверь.

Церковь была почти пуста. Даже обѣдня еще не начиналась. Читались „часы“.

Сѣдой, благообразный причетникъ недоумѣвающе взглянулъ на разстроеннаго, еле переводящаго духъ Ваньку.

— Кто служитъ сегодня?

— Отецъ Михаилъ.

— Нельзя-ли его увидѣть?

Ванька чуть не заплакалъ отъ радости. Отца Михаила онъ зналъ хорошо. Это былъ умный, ласковый, добрый пастырь, въ которомъ души не чаяли прихожане.

— Отецъ Михаилъ въ алтарѣ.

— Скажите, по неотложному дѣлу. Очень важно. Попросите не отказать.

Черезъ двѣ минуты причетникъ ввелъ Ваньку въ алтарь. Какъ во снѣ наклонилось къ нему ласковое, проникновенное лицо:

— Что съ тобой, сынъ мой?

— Спасите, батюшка! Отецъ Михаилъ, силы моей нѣту!

— Не бойся, говори, открой душу,—ласково положилъ ему на голову руки священникъ.

Задыхающимся, дрожащимъ голосомъ торопливо началъ свой разсказъ Ванька. Все повѣдалъ онъ: и какъ встрѣтилъ онъ незнакомцевъ, и какъ нашелъ деньги, какъ понялъ, кому онъ ихъ возвратилъ, и какъ одолѣваетъ его искуситель.

Молча, внимательно выслушалъ его отецъ Михаилъ.

— Успокойся, сынъ мой,—ласково произнесъ онъ, когда разсказъ былъ конченъ,—подожди немного, я помогу твоему горю. Стань здѣсь у амвона и молись.

Никогда еще Ванька такъ не молился. Онъ стоялъ на колѣняхъ, клалъ земные поклоны, крестился, и съ тихой радостью смотрѣлъ на него съ иконы ликъ Богоматери... Какъ одна минута, прошла обѣдня.

А когда замолкъ послѣднiй возгласъ, отецъ Михаилъ вышелъ на амвонъ и увѣренно, тепло звучало его наставительное слово:

— Дѣти мои! У меня сегодня большая и рѣдкая радость. Порадуйтесь со мною и вы.

Онъ замолкъ, точно обдумывая свои слова. Церковь замерла. Слушатели не понимали еще, въ чемъ дѣло.

— Жилъ одинъ добрый и честный бѣднякъ,—снова заговорилъ священникъ.—И Богъ пожелалъ послать ему великое испытаніе. Бѣднякъ нашелъ деньги. Большія деньги. И деньги эти онъ отдалъ потерявшимъ ихъ.

Церковь напряженно слушала. И отецъ Михаилъ продолжалъ.

— Правильно поступилъ онъ. Но не могъ простить этого честному бѣдняку искуситель. Тяжкій камень положилъ онъ ему на сердце. Узналъ бѣднякъ, что вору отдалъ онъ найденныя деньги. Помолимся-же вмѣстѣ, дѣти мои! Помолимся Заступницѣ, помолимся всѣхъ скорбящихъ Радости! И спасетъ Она бѣдняка, прибѣгающаго къ ней.

И ни одинъ молящійся не ушелъ изъ церкви. Съ перваго же возгласа отца Михаила у Ваньки въ груди точно лопнула натянутая струна. Слезы, жгучія, сладкія слезы, всю ночь накоплявшіяся на сердцѣ, —полились потокомъ. Какъ зачарованный, слушалъ онъ слова молитвы, и вмѣстѣ со слезами сползала съ его души щемящая тоска.

Свѣтлыми волнами переливался ладанъ. Торжественно, стройно звенѣли молитвенные напѣвы. А на душѣ у Ваньки становилось свѣтло и ясно. Онъ плакалъ, молился и страннымъ, горячечнымъ бредомъ казалась ему ночь страшнаго искушенія.

Н. Николаевъ.